

МАРИНА ИНДИВИ

ДРАКОНОВА
АКАДЕМИЯ

18+

Марина Индиви
Драконова Академия
Серия «Драконова Академия», книга 1

<https://litres.ru/67279796>

SelfPub; 2022

Аннотация

Сходила, называется, с подругой на фотосессию. Мало того что перенеслась в другой мир и стала невестой драконьего принца, так еще и привлекла внимание темного архимага, который, кажется, видит меня насквозь. Вот и что со всем этим делать, спрашивается? Только учиться, учиться и еще раз учиться, потому что обратно домой попасть не получится, а здесь без магических знаний никуда. Драконова Академия!

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	25
Глава 3	37
Глава 4	47
Глава 5	61
Глава 6	73
Глава 7	82
Глава 8	93
Глава 9	103
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Марина Индиви Драконова Академия

Посвящается

Ксении (Ксения Лита), моей ментальной близняшке.

Благодаря тебе я поняла, что женская дружба существует,

*и что это – одна из самых прекрасных историй,
которая только может быть в жизни.*

И Санкт-Петербургу, который подарил нам всем эту историю.

Пролог

– Покажи мне девчонку.

Заложив руки за спину, высокий темноволосый мужчина стоял на краю возвышающейся над Мертвыми землями башни. Протянувшиеся отсюда и до самого горизонта, они представляли собой черные, с серыми проплешинами равнины, изрезанные венами свинцовых рек. Со стороны могло показаться, что здесь прокатился беспощадный огонь, каким-то чудом пощадивший попадающиеся по пути селения и города, пульсирующие последними судорожными рывками сердца, и на месте его пути осталась только разбавленная пеплом тьма. На самом же деле пеплом эта тьма не была, напомина-

ющая его пыль тлена являлась ничем иным, как заявленным правом смерти на этот мир.

Смерти, которой Адергайн управлял и с которой сроднился гораздо больше, чем кто бы то ни было из его ныне живущих сородичей. Не считая разве что Валентайна.

– Покажи мне девчонку, – повторил он, и клубящаяся под его пальцами тьма сгустилась еще сильнее. В этой форме невозможно было выдержать ее воздействие, именно поэтому рука сейчас представляла собой обросшую призрачной чешуей лапу дракона, под которой просвечивали кости, объятые и стянутые призрачной плотью.

Эта сила обрушилась вниз, расплескавшись по его владениям, потекла над тленом, по венам рек, взбираясь на горы по иссохшим тропинкам между шарахающихся от нее со скулежом темных тварей, чтобы полыхнуть в небе темно-серой картой.

Земли, которые светлые делили с людьми, отличались таким количеством жизни, что выдернуть из ее плетения одну-единственную казалось почти невозможным, но для него ничего невозможного не было. Адергайн протянул руку, и под картой растянулась поисковая паутина, в нитях которой одна за другой вспыхивали и гасли искорки жизни.

Он перебирал их одну за другой.

До тех пор, пока одна не отзывалась знакомой меткой призыва.

Мужчина прищурился и потянулся к ней.

Девчонка стояла перед зеркалом, в крохотной комнатухе, в которой даже слуге оказаться стыдно – жалкое зрелище! – и поправляла короткие волосы. Такое в их мире было не принято, возможно, именно поэтому Адергайн сразу понял, что перед его взором иномирянка. Об этом же говорила странного кроя одежда – высокий воротник блузы, поверх которой был надет странный короткий пиджак.

– Ты сдашь! – сказала она. Закусила губу и повторила: – Слышала, Харитонов? Сдашь ты это ЕГЭ.

Провела расческой по волосам, рука сорвалась, и расческа упала. В этот момент он почувствовал слабеющие вибрации грани, разделяющей их миры. Картинка стала смазанной и бесцветной. Лицо девчонки в последний раз мелькнуло перед глазами, когда она выпрямилась и упрямо уставилась в зеркало. Его полоснуло отголосками силы, и отражение исчезло первым. Следом за ним стерлись очертания зеркала и комнатки, оставляющей крайне удручающее впечатление.

Мощнейшее заклинание тоже теряло власть, почти вся его магия ушла на межмировой разрыв. Валентайна нигде не было видно, но он мог его чувствовать безо всяких поисковых заклинаний. Он был в зале, среди остальных архимагов, на Королевском совете.

Этого было более чем достаточно: Адергайн отпустил поиск, и натянутая нить порвалась. Бесшумно, рассыпая над замком искры тлена, которых, разумеется, никто кроме него не видел. Поисковые заклинания такого уровня отнимали

множество сил, особенно когда они проходили сквозь миры, поэтому сейчас он отступил от края, а потом так же легко, одним движением, взметнулся на стену, чтобы шагнуть в раскинувшуюся под ним пропасть.

Смерть подхватила его в привычном вихре, закрутила, растягивая кости и плоть.

Мгновение – и над черной землей взметнулись два призрачных когтистых крыла, а из горла дракона вырвалось дыхание тлена. Лететь было недолго, сразу за горами расстилось море Усопших. Святая святых темных драконов, дарующая не только вечный покой, но и силы: тем, кто способен черпать их из того, что принято бояться.

Дракон опустилcя в неподвижную воду, и она сомкнулась над ним невесомым пологом, обволакивая, напитывая магией и привычной мощью. Вода забурлила: стихия столкнулась со стихией того, кто снова обретал форму слабости. К сожалению, именно в человеческой форме наполняться дарованной источником Мертвых земель магией было гораздо проще, чем в истинной.

Именно поэтому на берег вышел обычный обнаженный мужчина. Мокрые длинные волосы стекали по плечам вместе с тугими черными каплями, а навстречу ему уже спешили трое.

– Эрд Ниихтарн! – велиферты склонили головы. Человек, которого они держали, головы не опускал, он затравленно озирался, пытаясь вырваться из стальных захватов.

Тщетно.

Адергайн приблизился, положил руку ему на голову, и человек задержался, как шарнирная кукла. Смерть иссушила его на глазах, превратила сначала в бессильную мумию, а после – развеяла хлопья тлена над побережьем.

Велиферты почтительно отступили, один из них держал на вытянутых руках одежды и плащ.

Убивать смертного было не обязательно, но Адергайн любил древние традиции. В древних писаниях говорилось: после прохождения обряда подари Смерти то, что она подарила тебе. Любую жизнь.

Ему нравилась эта традиция именно потому, что любая цивилизация держится на традициях. Светлые о многом забыли, именно поэтому их сила стала слабеть, не говоря уже о том, что они заключили мирный договор с людьми и устроили из этого целый фарс. Особенно когда разрешили смешанные браки.

Хотя смертные женщины годятся только для того, чтобы с ними как следует развлекаться. Или для того, чтобы соблюдать традиции. Вот как сейчас.

Облачившись, Адергайн провел росчерком смерти по воздуху прямо перед собой, и пространство раскрылось, показав тронную залу и подданных, собравшихся в ожидании него.

Девчонка родилась в другом мире, и это, определенно, усложняло ситуацию. Впрочем, ничего сверхвыдающегося и

непреодолимого в этом не было: там, где царит Смерть, грани миров истончаются. Привести ее сюда труда не составит, но ему все равно, так или иначе, необходим исполнитель.

Валентайн умен. Он очень умен, а значит, все должно произойти естественно и незаметно. Риск существует всегда, но все указывает именно на нее. Время пришло.

Щелкнула застежка плаща, и верховный эрд Мертвых земель шагнул в надорванное пространство. Велиферты последовали за ним.

Глава 1

– Ты попадешь в Ад!

Да, не так я представляла начало своего дня. Для начала, мои волосы отказывались укладываться, как нужно. Простое, казалось бы, каре, сделало все, чтобы я провела перед зеркалом раза в три больше времени, чем я рассчитывала. В результате на макияж времени осталось гораздо меньше, и смоки айз по видеуроку я рисовала с такой скоростью, что рисковала ткнуть себе кисточкой в глаз.

Сейчас кисточка здорово пригодилась бы для самозащиты, потому что баба Клава перла на меня с неумолимостью Т-34, попавшего на вражескую территорию, и потрясала большим узловатым пальцем в направлении моего лица, как рыцарь – копьем.

– Ишь, вырядилась! – она разошлась не на шутку. – Ты в зеркало-то себя видела?! Вся задница наружу, а лицо разукрасила, как шалава!

А вот это было обидно. Во-первых, макияж, несмотря на скорость его создания, мне понравился. Во-вторых, с моими габаритами даже из самых коротеньких летних шортиков наружу торчать ничего не могло, просто нечему. Ну и в-третьих, никто и никогда со мной разговаривать в таком тоне не будет.

– Моя одежда – не вашего ума дело, – парировала я. – Так же, как и мой макияж. А если ваш умом обделенный внук еще раз перевяжет Люсе хвост резинкой, я ему сделаю то же самое, только спереди. Потому что таким, как он, размножаться не стоит.

Опешившая от такого напора баба Клава замерла, что дало мне возможность проскользнуть мимо нее прямо ко втиснувшемуся между забрызганным Ниссаном и чистенькой соседской Вольво такси. Я нырнула на заднее сиденье как раз в тот момент, когда побагровевшая от гнева соседка обернулась ко мне.

– Да ты... да я... – она замахала руками. – Все Ольге Геннадьевне расскажу! Пусть выплет тебе ремня и дома до конца лета посадит!

– Ваше мнение очень важно для нас, – произнесла я тоном автоответчика. – Мы вам обязательно перезвоним.

После чего захлопнула дверцу, и такси сорвалось с места.

– Конфликт поколений? – участливо поинтересовался таксист.

– Конфликт мировоззрений.

Наше противостояние началось с самого моего детства, когда я только переехала к тете Оле. В отличие от остальных обитателей нашего подъезда и тем, кому не повезло из соседних, я отказывалась остановиться поговорить, если куда-то спешила. В бабе Клаве это вызывало праведный гнев – как можно игнорировать старших! Когда меня решили за это

отчитать и начали стыдить перед собравшимся коллективом бабушек всего двора, я совершенно без задней мысли сказала, что предпочту лишние пару часов потратить на общение с подругой, чем с тем, кто мне абсолютно не интересен.

С этого дня мне объявили холодную войну.

Моя одежда сначала была как у пацанки, потом, когда я повзрослела – как у шалавы. Мой макияж всегда был вызывающим, как у девушки легкого поведения. Я старалась это игнорировать, даже когда возвращалась домой со школьного выпускного, а баба Клава, якобы поливая цветочки на балконе, «случайно» полила меня. Даже когда она постоянно жаловалась тете Оле, что я одеваюсь ужасно, а тетя Оля выговаривала мне за то, что я позорю ее перед соседями.

Но когда ее девятилетний внук, по всей видимости, упавший в роддоме головой вниз, вместе со своими столь же наделенными интеллектом друзьями решили перевязать дворовой кошке Люсе хвост канцелярскими резинками и снять это на видео, мое терпение кончилось.

Прятавшуюся по всем подвалам кошку мне удалось отловить ближе к вечеру, а резинки с хвоста снимали уже в ветеринарке. Где мне сказали, что еще чуть-чуть, и хвост было бы уже не спасти. После чего у меня состоялся тот самый знаменательный разговор с внуком бабы Клавы, где я ему пообещала то, что пообещала.

Судя по сегодняшней встрече, холодная война перешла в горячую.

Внука, кстати, рядом с Люсей я больше не видела, так же, как и его друзей: при виде меня их вообще сдувало в соседний двор.

– Сначала на Ладожскую?

– Да, а потом за город.

На Ладожской живет Сонька, мы договорились, что я еду за ней и заберу ее вместе со всем реквизитом. Моя лучшая подруга, почти сестра, грезилась фотографией и после школы решила все-таки попробовать себя в этом деле. Сегодня я выступала моделью для портфолио, поэтому убила два с половиной часа на прическу и макияж. Платье было у Сони, мы взяли его напрокат вчера вечером, и сегодня вечером после съемки должны были вернуть в целости и сохранности.

– Сделаю из тебя настоящую лесную фею, – пообещала подруга.

В том, что из меня получится лесная фея, я сомневалась, но ради Сони готова была стать кем угодно. Хоть феей, хоть кикиморой.

Наша с ней дружба началась во втором классе, когда меня перевели в новую школу. Я пришла после третьей четверти, совершенно растерянная, учительница по традиции представила меня классу, а после посадила на самую дальнюю парту, несмотря на то, что я была очень маленького роста. Честно говоря, в тот день я была этому даже рада, и очень удивилась, когда на первой же перемене Соня подошла ко мне,

протянула руку и сказала серьезно:

– Давай дружить!

В то время я не хотела ни с кем дружить, но когда посмотрела на нее, сама не знаю почему ответила:

– Давай, – и пожала ей руку.

С тех пор мы были неразлучны. Вместе ходили в кино, слушали музыку, вместе делали уроки и переживали неудачную первую любовь: сначала ее, потом мою. Прикрывали друг друга – она меня перед тетей Олей, я ее перед мамой. Мы вместе сбегали с уроков, когда выдавались непривычно солнечные теплые дни, и вместе за это получали сначала от учителей, потом от родных. Со временем эта дружба переросла дружбу, и я уже воспринимала Соню как сестру. Такое чувство, что мы просто по какой-то нелепой случайности родились в разных семьях.

Я даже на экономический хотела поступать из-за нее, чтобы снова учиться вместе, но не прошла по баллам. С высшей математикой, в отличие от Сони, у меня дружбы не получилось, поэтому я поступила на архитектурный. Там тоже нужна была математика, но с баллами все срослось, и, после того как я выполнила творческое задание и начертила все, что надо начертить, я поступила.

Не сказать, что это было моей мечтой, но в детстве я всегда рисовала башенки и подумала, что башенки и архитектурный неплохо сочетаются. Что касается Сони, она выбрала экономику, потому что решила, что это всегда пригодится в

жизни. Ну и еще потому, что только с таким условием мама разрешила ей пойти учиться на фотографа.

Мы уже подъезжали, когда мой старенький самсунг взорвался голосом Зиверт.

– Ну, вы где там? – нетерпеливо спросила подруга. – Сейчас свет уйдет, и какие я тебе фотки сделаю?

– Вообще-то уже въезжаем во двор, – я покосилась на шлагбаум, который не хотел подниматься, несмотря на выданный вчера ключ. – Сейчас я справлюсь с твоей пропускной системой...

Шлагбаум пошел вверх, мы вырулили во двор новостройки, куда Соня с матерью переехали два года назад, и увидели сидящую на скамейке подругу, обложенную реквизитом. Заметив остановившееся такси, она подскочила, а я открыла дверь и бросилась к ней.

– Так, это надо погрузить в багажник, – указала она на штативы и какую-то штуку из фольги. Честно, я все время забывала, как она называется. – А это твое.

Платье действительно напоминало платье лесной феи или нимфы. Легкое, невесомое из летящей струящейся ткани.

– Аксессуары, – Соня сунула мне пакет в руки, а я обернулась:

– Поможете нам?

– Разумеется, – водитель, разулыбавшись, открыл багажник и приблизился к нам. – Вы, значит, будущий фотограф.

– Я уже фотограф, – серьезно сказала Соня. – Вот с этим

осторожнее пожалуйста. У вас багажник чистый?

Я спрятала смешок в кулаке, после чего перекинула платье через руку и пошла к машине. Подруга тащила сумку с зеркалкой и объективами, которые мама подарила ей на день рождения. Остальное она купила сама на собранные карманные деньги. Повезло ей, что она вот так легко и быстро нашла, чем хочет заниматься.

Я хотела стать врачом, но тетя Оля обрубилла мое желание еще в восьмом классе, когда сказала, что у нее нет таких денег, чтобы оплачивать мое обучение, а на бюджет не пробиться. И что врача из меня все равно не получится, потому что меня начинает трясти при виде крови.

Сначала я обиделась, потом подумала, что она права: какой врач из девчонки, у которой тахикардия, озноб и одышка при виде одной капельки. Словом, после этого бралась я много за что, но меня больше ничего не зажигало, и я как-то смирилась, что буду рисовать башенки. Башенки – это красиво. Если повезет, можно нарисовать какую-нибудь альтернативу Москва-сити.

– Надо было выехать на час раньше, – буркнула Сонька, когда на выезде на КАД мы встали в пробку. – Черт, ну почему я не подумала, что сегодня пятница?

– Потому что когда не учишься, что пятница, что суббота, что суббота.

– Тебе смешно, а работа со светом – одна из самых ответственных, – подруга нахмурилась еще сильнее.

– Да не переживай, успеем.

– Угу.

Она еще сильнее нахмурилась и покосилась на водителя:

– А перестроиться мы не можем? По-моему, тот ряд движется быстрее.

– Это по-вашему, – так же хмуро буркнул водитель. – А по-моему, нет.

– Ты взяла косметичку? – подруга переключилась на меня.

– Ой.

– Ой?! То есть ты не взяла ни тонак, ни все остальное? А если у тебя макияж поплывет?

– Сонь, расслабься, – я улыбнулась. – Ничего не поплывет. Сегодня даже погода как ты хотела.

Погода действительно была очень классная: легкая облачность, но тепло – что не могло не радовать. Особенно когда я смотрела на лежащее на мне платье.

К счастью, после сражения с городскими пробками доехали мы быстро. В качестве локации был выбран лес – знаменитый тем, что Соня ездила на турбазу неподалеку от него. С водителем удалось договориться, что он нас подождет: ехать до города пустым ему тоже не очень хотелось, поэтому настроение было приподнятое.

– Здесь недалеко и очень красиво, вот увидишь, – сказала она, пока мы с сумками и реквизитом топали до полянки, на которой должно было свершиться действие. – А главное, здесь безопасно, потому что вокруг базы. Ну и сама понимаешь, в

городе такой природы никогда не найдешь, даже на пяточке парков.

Пятачком парков Соня называла Крестовский и Елагин, где собрались самые большие и красивые парки в окружении воды. Я любила эти места, я вообще природу любила, но, оказавшись на обещанной полянке, ахнула. Место действительно было волшебное: по покрывалу травы расплескалось бесчисленное множество ярких капель цветов, от остального леса полянка была отгорожена живым кордоном высоченных деревьев, сквозь кроны которых разливались золотые лучи пробивающегося из-за облаков солнца.

– Магия, – выдохнула я.

– А я что говорила? – Соня довольно прищурилась. – Но главное – эксклюзив! Таких фото точно ни у кого больше не будет, сюда мало кто полезет.

С этим не поспоришь: самые ходовые фотки даже на природе всегда в максимально доступных локациях.

– Одно из главных преимуществ в фотографии – эксклюзивность! Переодевайся, а я пока все настрою.

Пока Соня настраивала, я влезала в платье, которое оказалось длиннее, чем я рассчитывала. То есть на примерке я уже поняла, что оно длинное, но в лесу показалось еще длиннее, потому что на примерке я стояла на каблуках.

– Туфли не надевай, – скомандовала Соня, когда я полезла в сумку.

– Почему?

– Ты где-нибудь видела лесную фею на каблуках? Иди туда. Нет, лучше туда, – она указала в сторону ярко-оранжевых цветов. – Садись. Колени подтяни к груди и сделай задумчивый взгляд. Смотри в сторону вон того дерева.

Придерживая платье, я прошла в указанную мне сторону. Уселась, насколько это самое платье позволяло, подтянула колени к груди и в ближайший час узнала, что работа моделью – это не самый легкий труд. Если не сказать, очень сложный. Меня сажали, клали, поднимали, ставили, гоняли по поляне, заставляли прикладывать руки к лицу «да нет, не так, а вот так», делать треугольники, чтобы «поломать ровную линию», пытаться подбросить шлейф, от обруча-диадемы уже через пятнадцать минут заболела голова, а «эльфийские» браслеты я пару раз чуть не потеряла в густой траве.

Словом, когда Соня объявила перерыв, я сползла на траву и решила, что останусь тут лежать. Правда, на травке было неожиданно холодно, и в целом на поляне как-то ощутимо похолодало. В Питере такое не редкость, когда выходишь на улицу в летнем, а домой возвращаешься, покрытый пупырышками и отогреваешься в душе. Но не за пять же минут? Или я просто слишком шустро бегала, поэтому не замечала?

Сейчас же, судя по всему, заметила не только я: Соня тоже хмурилась. Запрокинув голову, я посмотрела на небо, где вместо легких облаков сгустились свинцовые тучи.

– Опять гисметео напи... сал неправду, – сказала я. – Давай домой, вряд ли в прокате обрадуются, если мы привезем

им мокрое платье.

– Еще парочку кадров, хорошо? Прямо быстренько. Потом платье в чехол, ноги в руки и в такси.

Фотографы – они такие.

Парочка кадров оказалась десятью минутами, за которые температура упала еще ниже, я уже натурально стучала зубами от холода. Дождь, к счастью, не начался, что не могло не радовать. Что странно, и ветра не было. На полянке вообще ни травинка ни шевелилась, но это не спасало.

– Драгунова, я сейчас окуклюсь, – честно призналась я, стараясь изобразить нормальную улыбку, а не оскал новорожденной Снегурочки.

– Искусство требует жертв.

– И чаще всего человеческих, – подтвердила я.

– Харитонов, мы почти закончили.

Подруга еще пару раз клацнула, а потом указала в сторону одного из деревьев.

– Теперь туда. Или сначала чай?

Я покосилась на плед, на котором помимо прочего лежал еще и термос. По-хорошему, чай бы не помешал, но решила, что чем быстрее мы закончим, тем лучше – и покачала головой.

– Нет. Давай быстрее все это доделаем. И если я схвачу воспаление легких...

– Я буду носить тебе апельсины и шоколад, – уверенно заявила Соня. – Дуй к дереву, Харитонов. Быстро. И хватит

тут пессимизм разводить.

– Я реалистка, – честно призналась я и направилась к дереву.

– Это будут крышесносные фотки! – донеслось мне вслед.
– Все просто упадут!

Главное, мне сейчас не упасть.

Подхватив длинную летящую юбку, волнами струящуюся по траве, я почти дошла до дерева, когда над поляной потемнело еще сильнее.

– Обопрись о дерево, – скомандовала Соня. – Да не так! Харитонов, ты не на лесоповал собираешься, ты – лесная фея.

Я мороженое.

– Одну выше, другую ниже, взгляд на меня, подбородок чуть опусти.

– Так? – я коснулась ладонями древесины и вздрогнула: в руки словно ударила молния.

Я осторожно ткнула кору пальцем и тут же его отдернула – проскочившая между ним и деревом серебристо-черная искра больно ужалила палец.

– Ай!

– Ты чего? – удивилась подруга, когда я отпрыгнула.

– Оно током бьется.

– Галлюцинации – опасная штука, Лена.

– Сама попробуй, – сказала я, не имея ни малейшего желания связываться с этим деревом снова.

Похожие ощущения у меня были в девятом классе, когда я торопилась на дискотеку и одной рукой красила ресницы, а другой, не глядя, совала штепсель от фена в старенькую расшатанную розетку, которая была в ванной до ремонта. Долбануло меня тогда знатно, хоть и без последствий, но повторять тот опыт не хотелось от слова совсем. Вот и сейчас так же.

– Ладно, пошутили и хватит. Давай быстренько отщелкаем и поедем куда-нибудь греться.

– А я не шучу. Может, здесь провод какой-то под землей проходит, – я ткнула себе под ноги. – Про это даже в новостях говорили.

– Если бы ты учила физику, Харитоновна, ты бы знала, что дерево электричество не проводит. Новости меньше надо смотреть.

– Значит, это неправильное дерево.

Не смотреть новости в однокомнатной квартире, когда тетя врубает звук телевизора на полную мощность, а ты при этом пытаешься готовиться к ЕГЭ – тот еще квест, и пока что у меня это не получалось.

– Ладно, – Соня закрыла объектив. – Могла бы просто сказать, что тебе надоело. Потому что я уверена, что сейчас ничего не произойдет. Ровным счетом ничего. Ни-че-го-шеньки!

Она приблизилась к дереву и приложила к нему ладонь.

– Ну? Ничего!

– В первый раз у меня тоже ничего не было.

– А во второй... ой! – Соня отдернула ладонь и непонимающе уставилась на нее.

– Ага? Расскажи мне теперь про физику, – я ткнула в сторону дерева пальцем. – Это – неправильное дерево, и оно...

Что делает неправильное дерево, я рассказать не успела, потому что изо рта вырвалось облачко пара, а над головой проскочила искра. Не просто искра, целый разряд, и он вонзился в соседнее дерево. Вместо того, чтобы вспыхнуть черным пламенем, оно выстрелило точно таким же в следующее, а следующее – в соседнее.

– Бежим! – я опомнилась первой и дернула Соню в сторону тропинки, которая привела нас сюда, но врезалась в обозначенный деревьями круг. В невидимую преграду, которая спружинила, как вертикальный батут, и выплюнула нас прямо в центр поляны. Искрящийся пепельно-черный купол, накрывший ее по кругу, источал ледяной холод. Примерно так же я могла бы чувствовать себя внутри айсберга, с той лишь разницей, что айсберги не стреляются молниями, и в целом ведут себя гораздо приличнее.

– Э-э-это что?! – выдавила подруга, вцепившись мне в плечо. – Гроза?

Ненормальная какая-то гроза.

В ту минуту, когда я попыталась подняться, с верхушки купола сорвалась молния. Оттолкнув Соньку, я с визгом отскочила в сторону, но недостаточно быстро. Разряд врезал-

ся в траву, оплавливая ее прямо у меня под ногами. Должно быть, молнией приложило и меня, потому что одновременно с этим под моими ногами раскрылось мерцающее серебром озеро, в которое я провалилась.

Попыталась ухватиться за ускользающий край поляны, но тщетно: озеро оказалось бездонным, и я падала, падала, падала...

Глава 2

– Лено-о-ор! Ле-е-енни!

Из глубокого сна меня выдернул мужской голос. Красивый такой, не менее глубокий, чем сон. Если учесть, что когда я засыпала, рядом со мной никаких мужчин не наблюдалось...

Стоп! Я не засыпала!

Я распахнула глаза гораздо шире, чем положено, и чуть не свалилась с кровати! Потому что находившийся рядом возлежал на покрывале во всем своем обнаженном великолепии. Великолепие, надо признаться, было великолепным. Широкие плечи переходили в фактурные руки, не менее фактурную грудь и пресс. Я остановила себя раньше, чем перевела взгляд на фактурные бедра и все, что можно так или иначе ассоциировать со словом «фак».

– Фак! – вырвалось у меня, когда я встретила с ним взглядом.

Глаза у парня были золотые. Не просто золотые, как если бы он вставил линзы, а именно золотые, с такой оригинальной подсветкой. Радужка словно раскалялась изнутри, из-за чего зрачки казались тлеющими углями.

– Вообще-то я немного другой реакции ожидал, но так тоже сойдет, – заявил парень с ехидной улыбочкой или, точнее

будет сказать, нагловатой ухмылкой.

Так. Мне срочно нужно проснуться. Вот прямо сейчас!

Или...

– Тебя Сонька подговорила, да?

Парень перестал ухмыляться.

– Серьезно?!

Да серьезнее некуда! Для начала я узнаю, кто мне все это устроил, а потом...

Что потом, я додумать не успела, потому что на глаза попалась тяжелая портьера. Окно размером как в хорошей новостройке, а стены толщиной как в хорошем замке. Или не в очень хорошем, мне сложно ориентироваться, какими критериями измерялись замки по принципу «хороший» – «плохой», и какое отношение к этому имела толщина стен.

Важно было именно то, что ни в одном из моих знакомых домов (точнее, на даче у тети Оли и в коттедже, где мы отмечали Сонькин пятнадцатый день рождения) таких стен точно не было. Все происходящее плохо укладывалось в рамки моей реальности, да что там говорить, оно вообще в рамки любой реальности плохо укладывалось. Нет, ну что за шуточки, а? Как она вообще все это устроила? Все эти спецэффекты? В тот момент, когда я собиралась сказать, что мне совсем не смешно, на глаза попался портрет.

Дракона.

Портрет дракона!

И это все вместе, а не по отдельности. То есть не дракон,

державший в зубах портрет, не портрет, в котором застрял дракон, а именно портрет дракона. Тяжелая позолоченная рама заключала в себе старинный холст, на котором маслом была изображена морда дракона. Глаза светились золотом, как и у лежащего рядом, а при одном взгляде на него волосы вставали дыбом на всех местах, и опускаться обратно отказывались. Казалось, он сейчас вылетит из рамы и даст всем огня. Дым из широких ноздрей разве что по комнате не клубился, а вот по картине клубился. Вполне.

Я даже пару раз моргнула, но дым продолжал клубиться, а краски словно смешивались у меня на глазах.

– Папаша, – скривился парень, проследив мой взгляд. – Ну что, вспомнила?

Что я должна вспомнить?!

К счастью, у меня хватило ума не сказать это вслух. Вместо этого я вскочила с кровати и метнулась в сторону двери, отдаленно напоминающей дверь в ванную комнату. Интуиция не подвела: это оказалась действительно ванная комната с большим, во всю стену, зеркалом. Тот, кто его повесил, явно очень собой наслаждался, но сейчас мне было не до владельца комнаты.

Потому что, взглянув на свое отражение, я едва удержалась от пошлого визга. Не считая платья чуть ниже колен, слегка помятого, в клочьях земли, веточках и сухих листьях, моя новенькая стрижка стала волосами до лопаток. Локонами платинового оттенка, не ниспадающими, как это приня-

то писать в романах, на плечи шикарными волнами, а представляющими собой воронье гнездо. Мое лицо тоже моим не было, голубые глаза и длинные светлые ресницы, а еще натуральные широкие брови на зависть всем современным моделям, точно не могли принадлежать мне!

В зеркале была не я.

И все-таки это была я!

Как такое возможно?!

В тот момент, как я ущипнула себя за изрядно перепачканную щеку, вошел этот хмырь. Не потрудившийся даже одеться!

– Согласен, выглядишь ты не очень, – произнес он, очевидно, приняв выражение ужаса на моем лице за реакцию на внешний вид. – Хотя по большому счету, сиротка, тебе здорово повезло. Сцепиться с Драконовой на магической дуэли и отделаться царапинами и разодранным чулком...

Он присвистнул.

Я опустила глаза. Чулок действительно был разодран.

– Признаюсь, я был несколько более скромного мнения о твоих магических талантах. Но потом, когда ты приложила ее энергетическим шаром...

– Стоп! – я выставила вперед руки. – Стоп, стоп, стоп! Ты сказал: с Драконовой?!

Магическую дуэль мой мозг предпочел отместить, а вот фамилия Драконова внушала надежду. Просто в моей... дайте мне проснуться, пожалуйста! – так вот, в моей реально-

сти Драконовой называли Соньку. В шестом классе она нарисовала на доске дракона, который сожрал доставшую всех историчку. Дракон был стремный и косоногий, но с тех пор Драгунова стала Драконовой. Сначала Соня бесилась, а потом просто плюнула на это дело, и даже начала отзываться.

Золотоглазый нахмурился.

– Да, ты похоже приложились головой гораздо сильнее, чем я себе представлял. Ничего не болит? Дракончики не летают?

Он пощелкал пальцами у меня перед носом, чуть было этот самый нос не задев. Я перехватила его руку.

– Ого ты шустрая, – он посмотрел на меня уже иначе, с легким прищуром. – А казалась такой забитой тихоней... и даже не верещишь при виде голого меня. Чего я еще о тебе не знаю, а, Ленни?

То, что он голый, я сейчас опять вспомнила, споткнувшись взглядом о фак... турный бицепс. Медленно разжала пальцы и отступила, чтобы ненароком не задеть фактурное что-нибудь еще. Практика показывает, что если ты проснулась в одной постели с голым парнем, верещать уже поздно. Я отмела воспоминания о своем бывшем, которые совершенно не в тему попытались пролезть в мое настоящее и ответила:

– Давай еще раз. По порядку. Какая магическая дуэль? С кем?

– София Драконова, – хмыкнул он. – Будущая главная га-

дина всея Академии, и по совместительству та, кто травила и доставала тебя последние полгода, то есть с начала подготовительных курсов.

Ну все, с меня хватит! Я вылетела из ванной комнаты, решительно направилась к другой двери, так же решительно ее распахнула и замерла. Коридор очень сильно напоминал коридор замка. Самого настоящего замка.

Я оставила дверь открытой и рванула к окну.

Лучше не стало, потому что вместо одной луны на небе было три. Две серебристые, одна слегка красненькая. И с кольцами.

То, что я не сошла с ума, доказывало несколько фактов: во-первых, я помнила о своей жизни абсолютно все, а о жизни девушки, которую увидела в зеркале – ровным счетом ноль. То, что меня не похитили перепившие ролевики и что это не Сонькин розыгрыш – доказывал тот факт, что я не в себе. В смысле, не в своем теле.

Три луны.

С другой стороны, может, это игры разума такие? Я что-то похожее читала в какой-то статье по психологии, когда мозг начинает подстраивать окружающую действительность под то, что помнит. Откуда, например, в этом мире взяться девушке по имени София Драконова, если не из моего разума? Соня, правда, по паспорту Софья, а не София, но что это, по сути, меняет?

Ой, а что если меня все-таки долбануло той молнией, и

сейчас в лучших традициях модных психологических триллеров я лежу в коме? При мысли об этом по спине пробежал холодок, я изо всех сил размахнулась и вlepила себе пощечину.

От удара щека вспыхнула болью, в ушах пошел звон, а парень снова присвистнул.

– Слушай, а ты начинаешь мне нравиться, сиротка. – Вернувшийся в спальню парень так и не потрудился одеться. – Кажется, наше совместное предприятие обещает быть гораздо более веселым, чем я представлял изначально.

– Предприятие? – переспросила я, потирая горящую щеку. – Какое предприятие?

Он усмехнулся.

– Наше. Поздравляю, Ленор Ларо, теперь ты официально моя невеста!

Это было сказано таким тоном, что я как минимум должна была впасть в религиозный экстаз. Как максимум, наверное, тоже в экстаз, просто в обычный, но со мной не сработало. Точнее, сработало, но наоборот:

– Что?! – очень выразительно спросила я.

– А что тебя не устраивает? – поинтересовался золотоглазый хмырь. – Я тебя спас, когда сделал так, что никто не узнает о твоём участии в магической дуэли. Учитывая, что они запрещены и твоё прошлое, точнее, прошлое твоих родителей, как думаешь, сколько дней ты бы продержалась в Академии, если бы всем стало об этом известно?

В этот момент я поняла, что мне нужно введение в краткую историю этого мира. И не менее – введение в краткую историю меня, которая должна вылететь из Академии за участие в запрещенной магической дуэли. Нет, я бы с удовольствием из нее вылетела! Из нее, а заодно и из этого тела, чтобы влететь обратно в Лену Харитонову, но судя по отсутствию даже малейших признаков головокружения, вылет откладывается. Погода нелетная, межмировые порталы не работают.

О чем я вообще думаю, а?!

– То есть ты собрался меня шантажировать? – уточнила я. – Тем, что я участвовала в магической дуэли?

– Зачем же сразу шантажировать, Ларо, – лениво произнес он. – Я делаю тебе взаимовыгодное предложение. Думаешь, после случившегося Драконова оставит тебя в покое? Особенно после того, как ты ее так приложила? Но! Если я буду рядом, она не посмеет к тебе сунуться. Не считая того, что никто не знает о случившемся, ты получишь статус моей невесты, на тебя больше никто не посмеет посмотреть косо, плюс ко всему, когда это все закончится, у тебя останется статус моей бывшей невесты, что тоже немаловажно. В общем, всяко лучше, чем есть у тебя сейчас, так что соглашайся, – подвел итог этот нелюбитель одежды.

Поскольку одеваться он, кажется, так и не планировал, я прогулялась до полотенец, стопочку которых видела в ванной. Взяла одно, вернулась и протянула ему:

– Я не могу сохранять серьезность, когда мне делают деловое предложение в таком виде.

Судя по выражению его лица, он был не в восторге от того, что я перехватила инициативу, а может, просто к такому не привык.

– И раз уж мы перешли к обсуждению деталей, зачем тебе нужна невеста?

– Все вспомнила? – ехидно поинтересовался он.

– Все, что нужно.

Да, я собиралась рассмотреть это предложение всерьез. На квестах мне говорили, что я отлично схватываю детали, и главное, что я схватила – это то, что в прошлом у моих родителей, то есть у родителей Ленор Ларо, осталась какая-то жо... тайна, не очень приятная, и что эта тайна неприятно сказывается на ее настоящем. Добавим сюда обращение сиротка и получим в итоге, что родителей у Ленор больше нет, а значит, она сама за себя, и при этом на нее смотрят косо.

Не самые лучшие исходные данные для оказавшейся в такой ситуации меня, поэтому золотоглазый хмырь в женихах лишним точно не будет. Судя по его привычкам и поведению (ну и по портрету «папаши» – чур меня, чур!), он здесь занимает не последнее место, а значит, жить станет значительно легче. В те дни, пока я не найду способ все-таки отсюда вылететь.

– Все очень просто, – он наконец обмотал полотенце вокруг бедер. – Папаша уже подыскал мне невесту и собирает-

ся представить ее мне в самое ближайшее время. Пока что это вроде как секрет, но у меня есть свои источники, поэтому я...

– Превентивные меры, – сказала я.

– Что?

Тут я осознала, что говорю не на русском. Не на английском. И даже не на китайском, хотя все что я из него знала, было «Нихао», и то потому что рядом с нашим домом был такой ресторан. Тем не менее слова свободно складывались в предложения на непонятном мне языке! Я понимала его, он понимал меня. А вот слова «превентивный», похоже, в местном языке не было, поэтому и получилась какая-то абракадабра.

– Неважно, – сказала я. – Почему именно я?

– Потому что ты единственная, на кого папаша не подумает, что ты согласилась на такой спектакль. Ну и еще немного потому, что от остальных невест потом не отделаешься, а с тобой все будет легко: ты же прекрасно понимаешь, что между нами ничего нет и не может быть.

Да он просто гений комплиментов!

– Жениться в мои планы, как решил папаша, пока не входит, поэтому я выбрал тебя. С полгодика побудешь моей невестой, а потом, ближе к экзаменам, мы расстанемся.

Ближе к экзаменам меня здесь уже не будет.

– Ладно, – сказала я. – По рукам!

– По рукам?

Я прикусила язык.

– Имею в виду, скрепим нашу договоренность рукопожатием.

– Нашу договоренность мы сегодня скрепим, когда вместе появимся на балу в честь открытия учебного года. И да, платье я тебе пришлю, не вздумай появиться в том, в чем ходишь обычно.

Получив желаемое, золотоглазый утратил ко мне всяческий интерес, повернувшись обтянутой полотенцем упругой пятой точкой и широкой спиной, под кожей которой перекачивались литые мышцы. Я хмыкнула, оценив союзнический тыл, и направилась к двери. Правда, на ходу вспомнила, что не знаю куда идти.

– Я... гм, не уверена, что найду дорогу из твоей комнаты до...

– Включи проводник, – он ткнул в браслет на моем запястье. Браслет чем-то напоминал часы, хотя стрелок и циферблата на нем не было. На кругляшке горели какие-то непонятные знаки, но который из них проводник? За моей спиной захлопнулась дверь: похоже, мой жених ушел в душ, и я сделала то единственное, что мне пришло в голову.

– Проводи меня ко мне в комнату!

Циферблат, точнее, кругляш на моей руке окутало голубоватое свечение, и из него выросла самая настоящая голограмма! Точнее, переливающийся мягким светом нежный женский образ, который произнес:

– Здравствуй, Ленор. В коридоре сразу поверни направо.

Глава 3

Говорящая со мной девушка-голограмма была чем-то похожа на саму Ленор: светлые волосы и овал лица. Я даже подумала, что ее с меня (ну, то есть с Ленор) создавали. Правда, сейчас мне было не до выяснения таких деталей, поэтому я быстро повернула, куда просили.

Местный аналог навигатора привел меня из роскошных, просторных замковых коридоров сначала на огромную лестницу, где заставил спуститься вниз. Потом повернуть налево, потом еще раз налево, снова подняться наверх, потом опять наверх, и так еще четыре этажа. В нашем доме не было лифта, поэтому я не жаловалась, но вот когда оказалась в тесном узеньком коридорчике, больше напоминавшем по какой-то причине невырезанный у замка аппендицит, резко затормозила. Хотя бы потому, что за моей спиной оставался хорошо освещенный рукав коридора, который за поворотом сужался до таких размеров, что там при наличии кого-то еще, желающего пройти, можно застрять. А вот освободиться будет уже не так легко.

– Ты уверена? – уточнила я у голограммы.

– Да, Ленор. Прямо и до конца.

В конце виднелась одна дверь, из-за достаточно тусклого света я не заметила вторую. Увидела ее только когда про-

ходила мимо, но задерживаться не стала. Приблизившись к своей комнате, толкнула дверь. Которая не открылась.

– Как мне войти?

– Разомкнуть контуры заклинания.

Ну разумеется, о чем я вообще спрашиваю.

– Как это сделать?

Мне здорово повезло, что из точки А (комнаты потенциального жениха) в точку Б (место собственной временной дислокации) я вышла ранним утром, близким к глубокой ночи. По сторонам не смотрела особо, но проходя сквозь одну анфиладу увидела ночное небо и клочья подсвеченных лунами облаков. Повезло, потому что меня никто не заметил в таком виде, а еще не слышал, как я задаю голограмме идиотские вопросы. Вроде последнего.

Судя по долгому молчанию, навигатор тоже так считал, потому что завис. Я смотрела на голограмму, голограмма смотрела на меня. Сколько мы так играли бы в гляделки – непонятно, но в этот момент за спиной скрипнула дверь.

Обернувшись, я встретилась взглядом с девушкой, едва ли старше меня. Серые глаза смотрели внимательно и настоятельно, темно-каштановые волосы были стянуты за спиной в хвост. На ней был наспех запахнутый халат, в вырезе которого виднелось тонкое кружево пижамы. Да, кажется с тем, что меня никто не видел, я погорячилась.

– Тебе лучше вернуться в комнату, – неожиданно произнесла девушка. – Занятия еще не начались, но если случайно

застукают ночью – вкатят штрафные баллы. Это в лучшем случае.

– А в худшем?

– А в худшем могут отчислить, если поймают кого-то вроде тебя или меня.

То, что я местный изгой, я уже поняла. Осталось выяснить почему, но это лучше делать в одиночестве.

– М-м-м-м... не сможешь мне открыть дверь? Я сегодня не в лучшей форме.

Девушка округлила глаза:

– Ты что? Твой замок откроет только твоя магия.

Кто бы сомневался.

– Я слегка приложила голову о землю, – видят все местные боги, я сейчас даже не врала, потому что Ленор явно приложила, – и вообще ничего не могу.

– Да ладно тебе, – она вынырнула из своей комнаты. – Это же легче легкого.

Может быть. Если знать, как это делается.

– Просто возмись за ручку и представь, какрываешь магический контур. На это уходит крупница силы.

Где бы еще эту самую крупницу взять?

В тот момент, когда я об этом подумала, в коридоре раздались шаги. Девушка резко побледнела, а потом распахнула дверь в свою комнату.

– Сюда, быстро!

Дважды уговаривать меня не пришлось, я едва успела туда

нырнуть, как следом туда нырнула она и приложила палец к губам. Шаги звучали уже совсем близко, и, поскольку говорить было нельзя, оставалось только рассматривать комнату. В ней уместился достаточно большой шкаф, основательная кровать и массивный стол, второй шкаф был задвинут под угловую крышу, а окно находилось так высоко, что Ленор (то есть мне) с ее ростом точно пришлось бы подпрыгивать, чтобы увидеть что-то, кроме неба. Дверь рядом с дальним шкафом вела, судя по всему, в ванную комнату или туалет.

Идущий по коридору приблизился и, судя по всему, остановился совсем рядом. Девушка затаила дыхание, и я – на пару с ней. Потому что если меня не особо волнует вылет из Академии, то подводить ее – это скотство. Какое-то время постояв в нашем закутке, этот кто-то развернулся и зашагал прочь, а моя новая знакомая облегченно вздохнула.

Кстати, почему она сказала «вроде тебя и меня»? Она здесь тоже не особо популярна?

Спросить мне не дали, потому что девушка приоткрыла дверь и, убедившись, что поблизости никого больше нет, указала на выход:

– Не благодари, Ларо. Можешь возвращаться к себе, а мне еще нужно подготовиться к вечеру. Если сестра найдет, к чему придраться... В общем, давай. Тебе туда.

Она отступила в сторону, и мне не оставалось ничего другого, кроме как выйти. Постфактум, правда, я поняла, что так ее и не поблагодарила и не спросила, к чему именно мо-

жет придраться сестра и почему ее стоит бояться.

Ладно, сейчас у меня есть проблема посерьезней. Например, как попасть к себе в комнату.

«Просто возмись за ручку и представь, как разрываешь магический контур», – прозвучал в голове голос новой знакомой.

Я вздохнула, шагнула вперед и накрыла ладонью металл. Который мгновенно нагрелся, а перед глазами вдруг вспыхнули две точки, соединенные искрящейся светло-сиреневой линией. Я представила, как она рвется, и в ту же минуту раздался щелчок. Ручка легко крутанулась вправо, и я оказалась в своей комнате. Хотя точнее будет сказать, камерке: даже однокомнатная квартира тети Оли в хрущевке была просторнее.

Небольшая кровать жалась к стене, у окна стоял стол, справа у стены – шкафчик, вмещавший в себя бельевой, шкаф для одежды и книг (это я выяснила, когда сунула туда нос). Одежды у Ленор Ларо и впрямь было немного, среди трех простеньких платьев, одного плаща-накидки и слегка потрепанных туфелек, почему-то оказавшихся в ящичке посередине, я обнаружила учебную форму. Край юбки и рукав пиджака торчали, спрятанные за остальной одеждой.

Настоящая учебная форма! Академическая! Интересно, она тут для всех одинаковая?

Я потянула край рукава на себя и погладила плотную темно-синюю ткань, из-под которой выглядывал краешек белой

блузки. Представляю, как все это выглядит на занятиях...

Стоп, я что, всерьез собираюсь на занятия?! Зачем мне это вообще?!

Я ведь не планирую здесь задерживаться.

Я плотно прикрыла дверь, опустилась на кровать, чудом не треснувшись головой о нависающий над ней скошенный потолок, посмотрела на свой браслет.

– Покажи мне, как попасть в другой мир!

Голограмма, снова выскочившая из «циферблата», подозрительно дернулась.

– Это невозможно, Ленор.

Что значит – невозможно? Я же как-то сюда попала!

– Как переместить сознание обратно в свое тело?

– Манипуляции с сознанием запрещены.

Я не спрашиваю, разрешены они или запрещены, я спрашиваю – как это сделать!

– Как совершить запрещенную манипуляцию?

Голограмма дернулась, и, не меняясь в лице, сообщила:

– Доступ к разделу «магические манипуляции» заблокирован. Для разблокировки нужно обратиться непосредственно в ректорат.

Заблокирован? В ректорат?!

Да, свобода слова во всех мирах одинакова.

Пару минут я просто сидела, рассматривая узорчик обоев на стенах: задорный такой, винтажный, в кремовых тонах с золотыми виньетками, потом перегнулась через стол и

отодвинула занавеску. За окном появились первые признаки рассвета: небо стремительно набирало синеву, становясь все более ярким, штрихи облаков впитывали белый цвет. Вид был на замковый двор, но благодаря тому, что я, как Карлсон, жила под крышей, все отлично просматривалось. Например, вымощенные камнем дорожки, газоны, деревья. Теплый свет, который распространяли парящие над ними шары, и темные окна – большие, арочные, запечатанные в камень массивных стен.

Вздохнув, задернула штору.

Ну и что мне теперь делать?

– Ленор Ларо, – произнесла. – Мне нужна вся информация о ее семье.

ТЬфу ты!

– О моей семье.

– Ленор Ларо, – тут же отозвалась голограмма. – Восемнадцать зим, наследница древнего рода Ларо, дочь Симеона и Эвиль Ларо, архимага и сильнейшей магессы Даррании. Восемь зим назад тэрн и тэрна Ларо стали участниками заговора против Верховного архимага Керуана Четвертого. Заговор был раскрыт, все участники казнены. Вся доступная о подвигах и достижениях семьи Ларо информация была стерта после оглашения и исполнения приговора в соответствии с законами Даррании: предавший да лишится истории.

М-да, негусто. Зато теперь понятно, почему меня все так «любят». Точнее, ее.

От всего происходящего хотелось побиться головой о стол, но стол-то, конечно, казенный, а вот голова – нет. Хорошо, предположим, голова тоже казенная, но сколько мне с ней еще ходить, непонятно, равно как непонятно, можно ли вообще вернуться домой, а поинтересоваться не у кого. Если у них так реагируют на вопросы про межмировые перемещения, вряд ли стоит задавать их кому бы то ни было, пусть даже новоиспеченному жениху.

– У кого я была?

Навигатор снова завис.

– Парень, с которым я провела ночь. Кто он?

Ладно, формулировка не очень, но здесь только я и голограмма.

– Люциан Драгон. Младший принц, сын Его наисветлейшества Фергана Единственного.

– Принц?!

– Люциан Драгон – ненаследный принц, престол унаследует его старший брат Сезар Драгон, который в настоящий момент учится на предпоследнем курсе Академии.

– Расскажи мне про Академию.

– Академию основал два века назад Федор Драконов, первый архимаг объединенного королевства Даррании. Это первое и единственное учебное заведение нашего мира, открывшее свои двери одновременно для людей и драконов. Изначально она называлась Академия Дружественных Держав, но после смерти основателя была переименована в Академию

Драконова.

– А раньше люди с драконами вместе не учились?

– Долгие годы магия людей небезосновательно считалась более слабой. Магия драконов – изначально, она берет свое начало от двух основ: Жизнь и Смерть. Магия Жизни подвластна светлым драконам, магия Смерти – темным. Темные драконы так и не признали людей равными себе, поэтому их земли для вас закрыты. С момента создания Даррании, они закрыты и для светлых.

Гм.

Больше я ничего спросить не успела, потому что навигатор произнесла:

– Рекомендую поспать, Ленор. Сегодня у тебя очень ответственный день. Вступительный бал, который открывает учебный год – это большой праздник, но еще и испытание не из легких.

Да что они знают про испытания не из легких! Вряд ли оказаться на вступительном балу сложнее, чем провалиться в серебряную лужу посреди своего мира и очнуться в постели с драконьим принцем.

Как бы там ни было, я решила последовать ее совету, потому что глаза натурально слипались. Причем начали слипаться настолько резко, как будто внутри меня выключили свет, даже сил дойти до иномирного душа не было. У них же здесь есть душ?

Я надеюсь.

Потому что если нет...

Мысли стали ленивыми и тяжелыми, как и тело. Решив, что душ подождет до утра, наспех выпутавшись из платья, я просто рухнула на кровать, завернувшись в хрустящее одеяло.

Итого, в сухом остатке.

Я в другом мире. Умею открывать двери магией.

Я невеста драконьего принца, который видел, как я драглась на магической дуэли с главной стервой Академии, которую зовут как мою лучшую подругу.

Мои родители заговорщики, которых казнили, а всю историю нашей семьи стерли из местного аналога сети. В которой меня частично забанили за поиск запрещенной информации о других мирах.

Мне придется ходить на магические занятия, в которых я ровным счетом ничего не смыслю.

Что еще? А, да.

Сегодня вечером я иду на бал, и меня зовут как жидкость для стирки белья.

Глава 4

– Ты же знаешь, что мы тебя очень любим, Ленор, – руки мужчины, лежащие на моих плечах, были уверенными и сильными. От него веяло смелостью, надежностью, силой, и я улыбнулась.

Подошедшая к нам женщина была бледной.

– Очень любим, милая, – подтвердила она, опускаясь рядом со мной и с мужчиной, – это недоразумение очень скоро разрешится, и мы снова будем все вместе. А пока позаботься, пожалуйста, о брате. Веди себя так, чтобы он не наделал глупостей. Сейчас для нас и для нашей семьи это особенно важно. Обещаешь?

– Обещаю, – ответила я. – Обещаю, мам. А вы с папой должны обещать, что вернетесь домой как можно скорее. Хорошо?

Вместо ответа они меня обняли, оба, единым порывом, а следом по полу прокатился сквозняк. Шаги, эхом разносящиеся по холлу, заставили меня податься назад и вскинуть голову. Нас окружили стражники в иссиня-черной форме, возглавлял их высокий мужчина с густой бородой и жгучим взглядом карих, глубоко посаженных под густыми бровями глаз.

– Ларо, – резко произнес он, перевел взгляд на меня и

немного смягчился: – Пора.

– Драконов. – Отец выпрямился, и мама последовала его примеру. – Ленор и Макс...

– О них позабочусь я.

Вперед выступил еще один мужчина.

– Дядя Хитар... – сорвалось с моих губ.

Он даже не взглянул в мою сторону.

– Дети заговорщиков все равно остаются детьми, – произнес он, глядя на бородача.

Тот поморщился, но больше не сказал ни слова.

Стражники выстроились шеренгами, загораживая моих родителей.

– Вперед, – скомандовал тот, кого отец называл Драконовым.

Мама на миг оглянулась, а после процессия двинулась в сторону дверей. Дверей нашего дома, всегда такого гостеприимного и светлого, но мне казалось, что сейчас в холле стало темно, как ночью.

– Мам... папа! – Я рванулась к ним, но поняла, что не могу сдвинуться с места: в мое плечо впились пальцы мужчины, который обещал о нас позаботиться. В отличие от прикосновений отца, его напоминало стальную хватку капкана или магических оков, сомкнувшихся с немыслимой силой.

Я смотрела, как моих родителей уводит стража, стараясь думать о том, что они мне только что сказали. Искренне верить в то, что они вернутся, и все станет как прежде...

– Ларо!

Грохот раздался такой, что я подскочила на постели. Голова казалась тяжелой, и чувствовала я себя так, будто вагоны всю ночь разгружала, а не спала.

Что за...

– Ларо! Ларо, открывай! Да открывай же!

Я не сразу сообразила, что грохот доносится от двери, которая подрагивала. Я бы тоже подрагивала, если бы в меня так колотили. Особенно ногами.

– Долго нам тут еще стоять? Если не успеем привести тебя в порядок до бала, Драгон нас на угольки пустит.

В этот момент память ко мне вернулась окончательно. Я спрыгнула с кровати, обнаружила, что все еще голая (ну разумеется, какой мне еще быть). Завернувшись в одеяло, подскочила к двери, и... как там это делается? Представить, как открывается дверь, то есть как размыкаются магические контуры...

– Ларо-о-о-о! – взвыли за дверью.

– Да сейчас!

Положила руку на ручку, перед глазами вспыхнула сиреневая нить. Я снова представила, как разрываю ее на части, и потянула дверь на себя. При этом резво отскочив в сторону, что оказалось весьма кстати: в комнату ввалилась целая компания, две девчонки и один парень, который нес футляр с платьем в одной руке и кучу пакетов и коробок в другой.

– Ужас!

– Кошмар!

– Люциан хоть подумал, как мы будем здесь работать?

– Здесь же не развернешься.

– А свет...

– Да свет здесь не поможет! Это разве свет? Вот свет от *этого*, – парень скривился и указал на то, что было в общем-то нормальным окном.

Ну да, из-за особенностей расположения моей комнатухи свет падал не очень удачно. Я выглянула в окно и поняла, что уже не утро и, кажется, даже уже не полдень. Если не сказать, что далеко за полдень.

– Ларо, что у тебя с волосами? – поморщилась одна из девушек.

В подтверждение этого мне на нос выпала какая-то сухая веточка. Видимо, из тех, что недовыпали, когда меня выключило.

– В душ! Шустро! – меня развернули в сторону маленькой двери. – Давай, времени в обрез! В земле она, что ли, валялась?

Меня так быстро затолкали за дверь, что я даже не успела опомниться. Зато, когда оказалась внутри, поняла, что иномирный душ существует. Если можно так выразиться. Больше всего это место было похоже на ванную комнату на теплоходе: помимо главной детали обстановки любого санузла, здесь присутствовала крохотная раковина, проходя мимо которой (будь Ленор чуть потолще), можно было просто-на-

просто застрять. По форме раковина напоминала ракушку, над ней висело такое же ракообразное зеркало. Вода, видимо, включалась через навигатор, потому что крана не было.

Душа тоже не было.

И откуда здесь идет вода?

Ладно хоть свет включился автоматически: то есть как только я вошла, под потолком вспыхнул парящий там маленький шарик, напоминающий летающее солнышко.

– Вода... – я не успела договорить: сверху на меня обрушился поток струй, спасибо хоть, не горячих. Задрав голову, я обнаружила такой же маленький шарик, как тот, что давал свет, только он был бледно-голубой, и из него меня поливало. Хорошо хоть мое одеяло осталось в руках девчонки, которая меня сюда затолкала.

С текущей на меня водой прояснялись мысли, а из Ленор продолжали сыпаться веточки. Я их с трудом выковыривала, после чего продирала пальцами спутавшиеся пряди. Искренне радуясь тому, что у меня хоть и такой странный, но все-таки совмещенный санузел, и топать куда-нибудь еще, чтобы помыться, больше не надо. Вода шла оптимально теплая, я стояла и наслаждалась, пока не громыхнул удар в дверь:

– Ларо! Мы все еще здесь, а время все еще идет!

В этот момент я поняла, что не знаю, где мне взять полотенце.

Ткнула в навигатор и поинтересовалась:

– Где мне взять полотенце?

– Сначала надо выключить воду.

– Как?

– Скажи: выключи воду.

– Выключи воду.

Шарик стянулся в крохотную точку и исчез вместе с последней, пытающейся сорваться с него каплей воды. Ладно, с умным домом, то есть с умной Академией потом буду разбираться.

– А теперь?

– А теперь иди в комнату, Ленор. Все белье там.

Очень предусмотрительно.

– Ребят, – я высунулась за дверь, – где-то там должно быть полотенце. Подайте, пожалуйста.

Девчонка с парнем очень натурально закатили глаза, а вторая открыла шкафчик, порылась там и протянула мне полотенце.

– Держи.

– Спасибо! – искренне поблагодарила я и засунулась обратно.

Как следует отжала волосы, завернулась в полотенце и вышла. Тапочек не наблюдалось, поэтому приходилось шлепать босыми ногами.

Большинство пакетов стояло на полу, только платье лежало на кровати. Заметив меня, парень щелкнул пальцами, и прямо над нами вспыхнул огонек светящегося шара, который немедленно устремился к самому центру комнаты, под

потолок. Этот огонек родился внутри полупрозрачной сферы и с каждой минутой разгорался все сильнее, до уровня семирожковой люстры, только свет от нее исходил дневной.

– Да, вот так будет нормально, – произнесла одна из девчонок.

Вторая неприязненно покосилась на меня в полотенце:

– Ты всегда спишь днем, Ларо?

– Нет, только когда собираюсь объявлять о помолвке с драконьими принцами.

Повисла многозначительная пауза.

– Ладно, – первым опомнился парень. Его косая челка фиолетового цвета падала на лоб, остальные черные волосы были зачесаны назад. На нем была форма, по цвету один в один как моя, на лацкане устроился дракон. То есть значок-дракон, поблескивающий серебром. Девушки тоже были одеты соответственно, только вместо брюк были юбки.

– Это тебе. Белье, – парень сунул мне в руку пакет. – Платье тоже надевай сразу, будем соображать образ. И шустрее, Ларо, шустрее. Нам тоже надо будет успеть переодеться.

Я не стала спорить, подхватила платье и направилась в сторону ванной. Хотя и с трудом представляла, как можно будет переодеваться в той комнатухе.

– Ты куда? – донеслось из-за спины. Я обернулась и увидела, что одна из девчонок смотрит на меня с недоумением.

– Мне переодеваться прямо тут? – поинтересовалась я.

Вторая округлила глаза:

– А сделать вот так?

Она повела рукой, и прямо передо мной возникла плотная стена из тумана, отрезавшая меня от них. Туман не рассеивался, просто клубился в воздухе, и я пожала плечами. Вернула футляр с платьем на постель и заглянула в пакет с бельем. Там оказались трусики, чулки, пояс и бюстик без бретелей. Тончайшее, изящное, невесомое белье, сотканное из ткани, похожей на кружево, но когда я к нему прикасалась, чувство было такое, что я дотрагиваюсь до шелка.

Интересно, Люциан это сам выбирал?

Развить эту мысль мне не позволили, потому что из-за магической пелены донеслось:

– Он определенно рехнулся.

– Дана, а ты не думаешь, что она ему пожалуется?

– И что? Думаешь, Люц не в курсе, что его весь курс назовет рехнувшимся? Ларо?! Невеста?! Ладно, предки с ней, она безъязыкая тень, но то, что устроили ее родители...

У меня перед глазами повторно упала пелена. Правда, не магическая, потому что в сознании разом промелькнули две сцены: первая – когда родители Ленор с ней прощались. Я не успела подумать об этом раньше, потому что из сна меня выдернули внезапной побудкой, но сейчас это странное щемящее чувство, казавшееся настолько неправильно-родным, обрушилось на меня с новой силой.

И вторая.

Уже из моей жизни.

– Лена, мы с папой ненадолго, – мама обняла меня и поцеловала. – Тетя Оля о тебе позаботится.

– Не хочу с ней оставаться! – я капризно надула губы. – Она все время смотрит телевизор, и до меня ей нет никакого дела!

– А мы попросим ее включить тебе мультики, – к нам присоединился папа.

Он подхватил меня на руки, щетина царапнула щеку, а он уже закружил меня на руках.

– Р-р-р-р-р-р-р! Лети-и-и-им! Высоко!

– Высо-ко-о-о-о! – восторженно подхватила я. – Ур-р-а-а-а!

– На самом большом самолете! – крикнул папа.

– С самым лучшим пилотом! – ответила строчкой из нашего семейного стишка.

На сильных папиных руках захватывало дух, особенно когда он поворачивался так быстро, и комната мелькала перед глазами.

– Вот увидишь, мы быстро вернемся, малыш, – мама провела рукой по моим волосам.

– Да. Глазом моргнуть не успеешь, – подтвердил папа.

Они с любовью посмотрели друг на друга, и в этот момент произошло что-то странное. Я просто шагнула вперед, взмахнув рукой, и отделившая меня от компании пелена развеялась, разлетаясь по комнате шальными островками дыма. Со стола что-то упало, девчонок отбросило к двери, и они

хором завизжали.

– Значит, так, – сказала я, игнорируя парня, у которого натурально отвисла челюсть, и шагая к ним. – Времена безъязыкой Ленор Ларо остались в прошлом, а в настоящем я вам обещаю, что еще одно слово про моих родителей – и вы вылетите отсюда вместе с дверью, а после будете лично объяснять Люциану, почему я вовремя не готова к балу.

Поскольку ответа не последовало, я решила уточнить:

– Мы друг друга поняли?

Одна из девочек кивнула.

– Д-да-а. – Это была уже вторая.

– Ну и здорово, – я улыбнулась и сунула пакет с бельем парню обратно в руки. – Передашь Люциану, что мне не подошло. С платьем поможешь?

Я указала на чехол и развернула полотенце.

– Держи.

Парень икнул и зажмурился, держа полотенце на вытянутых руках вместо магической завесы, а я хмыкнула и принялась распаковывать платье.

Платье оказалось блестящим. Я даже ткань определить не смогла, потому что сверху оно облегало, как вторая кожа, а внизу струилось тяжелыми волнами, при каждом движении юбка «оживала». Уже потом до меня дошло, что это могло напоминать драконью чешую в движении. Например, дракона, обитающего под водой, потому что иссиня-голубой цвет навевал мысли о бескрайних водных просторах и о мо-

ей мечте побывать на океане.

Впрочем, о платье я очень скоро позабыла, потому что девушки взялись за мой макияж, а парень – за прическу, и первые пять минут у меня было ощущение, что я слегка сошла с ума. Потому что вместо палитр с тенями, тональных средств, пудры и прочей ерунды, они достали нечто отдаленно напоминающее раму для картины, кисти и краски.

Мне стоило немалых усилий удержать лицо, когда они эту раму еще и установили на помесь мольберта со штативом напротив меня, а мне указали на стул.

– Сядь ровно, – попросила одна из девушек. Надо сказать, гораздо более уважительно, чем при первой встрече. – Ты же не хочешь, чтобы у тебя получилось кривое лицо.

Честно говоря, все, чего я хотела сейчас – это перестать удивляться, потому что рано или поздно кто-нибудь смекалый заметит мой открытый рот и отвисшую челюсть и сделает соответствующие выводы. Странно, что этого сразу же не сделал мой самопровозглашенный жених, но видимо, он был слишком увлечен собой.

– Та-ак, сейчас.

Девушки вдвоем подвигали раму, одна отступила в сторону:

– Дана, так ровно?

– Да.

Та, кого называли Даной, была светловолосой, со вздернутым носом и ямочками на щеках. Вторая, брюнетка, тут

же взялась за кисти.

– А вы в курсе, что сегодня в Академии видели Альгора?
– поинтересовался парень, вставая позади них.

Он что-то изобразил пальцами, и просвечивающая до этого рама подернулась дымкой. Спустя пару мгновений я уже смотрелась в невесть откуда взявшееся в раме зеркало.

– Альгор?! – ахнула Дана.

– Ага.

– Что в этом странного, – это была уже брюнетка. – Он будет преподавать магию темных, а все преподаватели должны появиться на открывающем учебный год балу.

– По-моему, Альгору без разницы, что и кому он должен. Он архимаг и наполовину темный дракон. Думаешь, ему реально есть дело до нас?

– По-моему, магию темных зря ввели как предмет. Мы с ней никогда не сталкивались, и, надеюсь, не столкнемся.

– Разумеется, не столкнемся. Темные к нам не суются, но если кому-то вздраконуло, что нам нужен дополнительный экзамен...

– Я даже знаю, кому. И знаю, почему. Ректор Эстре это придумала точно не для того, чтобы повышать нашу образованность.

Девушки захихикали.

– Т-с-с-с! – шикнул на них парень. – Девочки, не отвлекаемся. Раньше закончим – раньше освободимся.

Они действительно замолчали, и все, что мне оставалось –

смотреть, как девушки орудуют красками, кистями, а парень просто машет руками, и при этом мое отражение в зеркале меняется!

Влажные волосы подсыхают, скулы становятся четче, обозначается ямочка на подбородке, глаза становятся выразительными и начинают блестеть. При всем при том, что они ко мне вообще не притрагивались, а я выглядела как после визита к профессиональному визажисту.

– Ларо-о-о-о! – крикнул парень. – Подбородок выше.

Да куда уж выше-то.

Оказалось, есть куда. Не отрываясь, смотрела на свое меняющееся с помощью магии отражение, на самоукладывающиеся и samozакручивающиеся волосы, и старалась не шевелиться. Потому что «Не шевелись!» могло посоперничать только с фразой «Ровнее!», которую мне повторили раз двадцать.

Или тридцать.

Зато когда раздалась команда парня:

– Закончили!

Я увидела совершенно другую Ленор.

Стильную. Роскошную. Красивую.

Ничем не напоминающую ту девочку, которая сегодня открыла глаза в спальне его драконьего высочества.

Волосы, уложенные легкими волнами стали объемнее. Глаза – больше, четко очерченные губы блестели, как от увлажняющей помады и хорошего контура. Скулы тоже при-

поднялись, в общем, макияж был на уровне.

– Пламенически! – выдал парень, а потом развернулся к пакетам. – Так, теперь украшения. Иди-ка сюда.

Я поднялась, обошла зеркало и зачем-то решила глянуть в него с другой стороны.

Зря.

Потому что моя челюсть все-таки медленно поехала вниз: вместо зеркальной поверхности с этой стороны был самый настоящий холст. На котором раскрывался мой умопомрачительно красивый портрет, написанный красками. То есть умопомрачительно красивый портрет умопомрачительно красивой Ленор, отражение которой я только что видела в зеркале.

– Ты что, отражающий артефакт никогда не видела? – фыркнул парень. – Давай-ка, нам надо...

– Повернись! – раздался приказ.

Что характерно, повернулись мы все. Я – от неожиданности, а почему остальные, могу только догадываться. Впрочем, до остальных мне сейчас дела не было, потому что я с размаху влетела в полыхнувший золотом взгляд Люциана.

Глава 5

Его драконье высочество смотрит на меня так, что по коже словно прокатывается золотое пламя.

– Люциан, мы...

– Вон.

Присутствующих как ветром сдуло. Не исключено, что действительно ветром, потому что от их перемещений по комнате стало свежо, только напоследок, когда парень вытаскивал пакет с рамой-артефактом, Люциан произнес:

– Если хоть одна живая душа узнает о нашей помолвке до бала...

Он не закончил, но дверь захлопнулась с характерным стуком гробовой крышки. В общем, насколько я догадалась, все всё поняли.

– Ты очень дружелюбный, – заметила я, когда мы окончательно остались одни.

– Они мне не друзья.

– А кто?

– Эти, – Люциан даже не оглянулся на дверь, – просто счастливы, что они у меня на побегушках.

Вся гипнотическая магия золотого взгляда после таких слов как-то испарилась. Не представляю, как здесь жилось Ленор, но я очень хорошо знала, каково это быть не самой

популярной ученицей в школе.

– Знаешь, – сказала я, – если уж ты собираешься изображать моего жениха, мог бы засунуть свой снобизм куда подальше. Пока я не передумала.

Люциан прищурился.

– Передумала? Это ты изображаешь мою невесту, Ларо. И должна понимать, что если я тебя брошу так, как я обычно это делаю, твоя жизнь станет гораздо мрачнее той, что была раньше.

Ну здравствуй, первая милая семейная ссора. Не рановато ли?

– Мне не привыкать, – я сложила руки на груди. – Что, не терпелось проверить, как выглядит невеста?

– Не терпелось, – вкрадчиво произнес Люциан. – Повернись.

Интересно, какое наказание положено за то, что потенциальная несостоявшаяся невеста (местный аутсайдер) бьет потенциального несостоявшегося жениха (драконьего принца) в нос?

– Повернись, – повторил он уже резче.

Я повернулась исключительно из тех соображений, что по-прежнему не представляла, как работают местные законы. Если здесь за невинные вопросы про другой мир в ректорат вызывают, то за разбитый нос драконьего принца вполне могут превратить в золотую какашу, а превращений с меня на ближайшие лет сто хватит.

Поток мыслей оборвало прикосновение холодного металла к коже. Я невольно коснулась сверкающих всеми гранями камней, а в следующий момент вздрогнула от уже совсем другого прикосновения. Люциан скользнул пальцами по моей шее, едва слышный щелчок застежки потерялся в его словах:

– Чтобы между нами не возникло недопонимания, Ларо. Я говорю – ты делаешь. Я говорю – ты молчишь. Ты не комментируешь мои действия, и не говоришь, с кем и как мне общаться. Схема кристально прозрачна, как слеза дракона. Надеюсь, что мне удалось до тебя ее донести. В противном случае можешь прямо сейчас идти в ректорат и признаваться в участии в магической дуэли.

Хватит и того, что мне в ректорате по поводу запрещенного запроса разбираться придется. Правда, в следующий момент я уже забыла про ректорат, потому что буквально почувствовала, как бежит по коже золотое пламя, повторяя путь скользящего по ней взгляда.

– Твоя жизнь отныне в моих руках, – подвел итог Люциан. – Запомни это.

После чего развернул меня лицом к себе, и от прикосновения драконьих губ мои вспыхнули еще до того, как его высочество усилил напор, а после обжег укусом – собственническим, звериным, палящим. Я вздрогнула, но меня только плотнее прижали к себе, скользнув языком по безумно чувствительной тонкой коже, которую все еще дергало от укуса.

– Мне нравится с тобой целоваться, сиротка, – сообщили мне, отстраняясь. В довершение всего еще и провели пальцем по губам.

– А мне не нравится, когда ты меня так называешь.

Люциан усмехнулся.

– Туфли.

– Что?

– Надевай туфли и пойдем. Мне надо успеть произвести впечатление, пока там не появился мой братец.

Интересно, почему впечатление надо успеть произвести до братца? Увы, ответ на этот вопрос пока останется в подвешенном состоянии, как и на многие другие. В том числе, хватит ли остроты шпилек на моих туфлях, чтобы отдавить ногу драконьему принцу?

Когда я залезла в пакет, обнаружила там вполне земную коробку. Хотя ладно, она была не вполне земная, такая круглая, цилиндрическая, и туфли, когда я сняла крышку, стояли на бархатной подставке. По цвету напоминающие драгоценные камни, которые сейчас мерцали на моей груди (не знаю, как назывались местные камни, но при взгляде на них представлялись магические бриллианты). Словом, такие туфли могли бы быть у Золушки, если бы не размер. Который скорее подошел бы нашему физкультурнику, и я чуть не поинтересовалась, что у Люциана с глазомером, когда на глаза попалась карточка.

«Туфли драконьего дизайнера королевского двора Ан-

дроа Сальжберьерри. Просто наденьте и наслаждайтесь!»

Я нахмурилась, но все-таки сунула ногу в туфельку. И охнула: на моих глазах она уменьшилась, мягко облегая пятку и пальцы ног. Со второй произошло то же самое, и мне оставалось только моргать. Потому что выглядели они бомбически! При этом почти являясь продолжением моей ноги, потому что я их абсолютно, ни капельки не ощущала! Как будто их не было. И двенадцатисантиметровой шпильки тоже.

За такие туфли любая девушка из нашего мира (и я в первых рядах) продала бы душу! При всей своей модельности и офигенности они не жали нигде. Что-то мне подсказывало, что и натирать не будут.

Все, решено. Если вернусь... точнее, когда вернусь, туфли забираю с собой! И плевать, что это подарок Люциана, будет мне моральная компенсация за все, что со мной случилось.

Драконопринц коснулся своего браслета, больше напоминающего местный Ролекс, чем Санлайт, и прямо передо мной возникло зеркало. Я замерла, уставившись на свое модельное отражение, которое точно так же ошарашенно пялилось на меня.

Румянец на моих щеках был едва заметен, зато выделялись подчеркнутые девушками глаза. И губы, подчеркнутые... гм, драконьим принцем.

– Последние детали, – произнес Люциан, и румянца стало чуть больше.

Когда в довершении к умопомрачительному колье мне в

уши вдели такие же серьги – легко, играючи коснувшись пальцами мочек – я подумала, что это не парень, а отвал башки какой-то. Да меня сейчас вся женская половина Академии захочет порубить в капусту (ну, та половина, которая еще не хотела просто по причине того, что Ленор – дочь заговорщиков). И ведь не расскажешь, что у нас с ним взаимовыгодное соглашение, которое мне требуется для выживания в суровых условиях драконьего мира, а ему для драконьей свободы, чтобы и дальше делать отвал башки девушкам.

Подозреваю, не только башки. И не только отвал.

В тот момент, когда я об этом подумала и покраснела еще сильнее, Люциан, к счастью, отвлекся. На то, чтобы стянуть с меня мой браслет и швырнуть его на кровать.

– Сегодня вечером тебе это все равно не потребуется, – произнес он, а потом зеркало на моих глазах вытянулось от пола до потолка.

Удивиться я не успела, потому что мы с Люцианом уже шагнули в него. Точнее, шагнул Люциан, а я на буксире его руки влетела следом.

Оказавшись на балконе бального зала.

Вообще-то про Золушку я пошутила, но сейчас мне становится не до шуток. Вид с балкона открывается совершенно невероятный: потолок переливается искрами огоньков, выложенными в виде золотого дракона. Нити праздничной иллюминации протянулись от него по всему залу, они согревают каменные своды, стекают по стенам и портьерам на высо-

ченных окнах, как золотой водопад. Свечение, которое они источают, превращают все вокруг в сказку, хотя сказки здесь и без них хватает.

Широченная каменная лестница, по обе стороны от которой застыли мужчины в ливреях. Музыканты, которые пока еще не играют, но явно готовятся. Бесчисленное множество девушек в роскошных нарядах и молодых людей во фраках. Повсюду снуют официанты с закусками и, я подозреваю, что с безалкогольными напитками, но все равно.

Нифига себе студенческая вечеринка!

Это – первая мысль, которая приходит мне в голову, едва мое сознание охватывает всю широту роскоши, в которой я оказалась. Вторая – на нас все смотрят.

На нас действительно все смотрят, даже шум голосов, шорохи шагов и платьев стихают, стоит нам с Люцианом шагнуть в сторону лестницы. Ладно бы просто стихают, в тишине кто-то выдает:

– Э-э-это что там, Ларо? С Драгоном?!

– Тэрн-ар.

– Тэрн-ар.

Мужчины синхронно склоняют головы, стоит нам с Люцианом с ними поравняться, а я стараюсь держать спину прямо и не думать о том, что в последний раз привлекла столько внимания, когда полила бывшего натуральной H_2O , которую налила в колбу с надписью H_2SO_4 .

Наверное, до настоящего момента я как-то не восприни-

мала всерьез свое принцезенибельное состояние, но сейчас настал тот момент, когда пришлось. Взгляды девушек – изумленные, разочарованные, раздосадованные, восхищенные – прыгали с принца на меня, и обратно. Взгляды парней скользили по мне, я слышала недоумевающие перешептывания.

– Лозантир меня подери!

Это тоже прозвучало достаточно громко, а потом, среди череды вонзающихся в меня взглядов я явственно ощутила жгучий, как кайенский перец, и столь же яростный, злой, ненавидящий. Проследить его не составило особого труда: в первых рядах образовавшейся в зале своеобразной дорожки стояла девушка с иссиня-черными волосами, которые поглощали даже блики искрящегося золотого освещения. Платье – алое настолько, что больно смотреть, было украшено сверкающими нитями, такие же нити оплетали ее руки и украшали более чем глубокое декольте.

Продолжалось это какое-то мгновение, потом она резко отвернулась и затерялась в толпе. Следом за ней протиснулось еще несколько девушек, больше напоминавших свиту, чем подруг.

– Ани несколько расстроена, – произнес Люциан, проследив мой взгляд.

– Ани?

– Аникатия Эльдор, – произнес он, – дочь папашиного советника. Расстроена, видимо, тем, что мы пару раз переспа-

ли, и я дал ей надежду считать, что на балу она может быть со мной.

Мне захотелось наступить ему на ногу шпилькой драконьего дизайнера королевского двора.

– Ты всем своим фальшивым невестам рассказываешь о том, с кем ты переспал, и какое количество раз?

– Нет, – Люциан хохотнул. – Думаешь, у меня будут еще фальшивые невесты?

– Думаю, настоящей здорово не повезет.

Улыбка сбежала с его губ, но продолжить диалог нам не дали: к нам приблизились двое парней. Один – шатен с косой челкой, падающей на глаза, другой – брюнет с гладкими, зачесанными назад волосами. Стильностью образа он мог поспорить с Люцианом, чья белая рубашка, и шикарный костюм явно стоили целое состояние. На парне была такая же рубашка, только черная, а костюм – наоборот, белый. И туфли.

– Люц, – произнес он, явно намекая на то, что не против узнать, что за фигня здесь творится.

– Дас.

– Ленор Ларо? – это было явно не ко мне обращение.

– Ага, – Люциан махнул рукой.

– Поговорим?

– Не сейчас. Мы немного пройдемся, – он накрыл мою руку своей и, раньше чем парни успели хоть слово вставить, увел в сторону. За нами сомкнулся плотный драконо-люд-

ской полог, и зал снова пришел в движение. Все перешептывались, хотя перешептывались – это слабо сказано. Скорее, гудели, как пчелиный улей, по которому я в детстве сдуру долбанула совочком. Что-то мне подсказывало, что отпусти Люциан сейчас мою руку и отойди в сторону, очень многие поведут себя как те пчелки, которых я оторвала от производства меда на пасеке дяди Вити.

Да-а-а, Лена! Только тебя могло угораздить так вляпаться!

И принц не принц, а ящерица озабоченная с десятком злых бывших в анамнезе, и рыпнуться пока особо никуда не получится, потому что разведка втихую лучше, чем разведка боем.

– Что дальше? – спросила я, когда Люциан, крутанувшись на каблуках своих стильных туфель, развернулся в сторону мерцающих огоньками окон.

– Дальше – нагнетаем интригу, – произнес он. – Пусть пока все пообсуждают наше появление, разогреются.

Он подхватил с подноса официанта шипящий искрящийся напиток в высоком бокале на тонкой ножке и сунул мне в руку. Второй взял себе.

– Что это? – подозрительно переспросила я, глядя на бурлящие огненные пузырьки, которые вопреки всякой логике опускались с поверхности золотого напитка ко дну.

– Ларо, – на меня посмотрели сверху вниз. – Я понимаю, что ты дремучая, но не настолько же. Дорнар-скар, драконье пламя.

Я поморгала, а его высочество закатил глаза.

– Напиток, который производят в провинции Дорнар, из драконьих ягод. Единственный алкоголь, который допускается на вечеринках в Академии, потому что не пьянит.

Он звякнул краем бокала о мой, а потом прошипел:

– На нас все смотрят. Пей!

Справедливости ради, на нас правда все смотрели. Не разом, правда, как когда мы вошли – а урывками, эпизодически, но я все-таки пригубила драконье пламя. Вкус был приятный, яркий, как от душистых лесных ягод, совершенно непохожий на наше шампанское или вина, а вот послевкусие такое, будто действительно глотнула огня. Но не как от крепкого алкоголя, а именно странное, покалывающее чувство обжигающе-опасной близости пламени. Вряд ли я смогла бы описать это точнее, я бы и алкоголем это не назвала, и, чтобы распробовать, решила сделать второй глоток.

Которым поперхнулась и чуть было не выплюнула обратно: потому что с балкона в меня вонзился еще один взгляд. Темный, поражающий своей глубиной, взгляд мужчины, смотрящего на меня в упор. Тоненькая ниточка холода протянулась вдоль позвоночника и разбросала это дикое ощущение по всему телу, не считая того, что мне захотелось сжаться в комок или распластаться по полу под гнетущей властной силой этого пристального внимания. Зал, не до конца отошедший от явления Люциана Драгона с Ленор Ларо, снова всколыхнулся волной:

– Валентайн!

– Валентайн Альгор!

Тот самый?!

– Лозантир подери!

Я осторожненько вернула бокал на пустой поднос пробежавшего мимо официанта и проглотила драконье пламя во избежание казусов. Потому что Валентайн, чтобы его Лозантир (кем бы он ни был) подрал, медленно спустился по лестнице и, судя по выбранной траектории, явно направлялся к нам.

Глава 6

Движения этого мужчины напоминали движения зверя, готового в любой момент одним рывком броситься вперед. В этот момент я отчетливо почувствовала себя газелькой, и даже не той, которая четырехколесная, с рулем и педалями.

– Драгон, – Валентайн остановился напротив нас, ввернув короткий взгляд в Люциана. – Тэри Ларо.

– Архимаг. – По ощущениям, Люциан откусил кусок от своего бокала, и теперь он хрустел у него на зубах. Я даже покосилась на его драконий напиток, но нет, бокал был цел. – Чем обязаны?

– Хочу ненадолго украсть вашу прелестную спутницу.

Мне показалось, или он издевается?

– К сожалению, вынужден вам отказать, – в издевках Люциан явно ему не уступал. Правда, на следующих словах воздух над нами чуть-чуть сгустился, как будто даже стал плотнее.

– На каких основаниях, адепт Драгон? – холодно поинтересовался мужчина. Настолько холодно, что все волоски на моей коже не выдержали и встали дыбом.

Если честно, при упоминании архимагов сразу представлялся такой умудренный опытом старец или хотя бы мужчина в возрасте, но этот... Валентайн выглядел очень молодо.

Не старше тридцати так точно.

– Тэри Ларо моя невеста, архимаг Альгор.

– Ваша невеста.

– Именно так. Ленор сегодня проведет весь вечер со мной.

– Неужели? – В черных глазах сверкнуло что-то неуловимо-опасное. – По драконьим традициям весь вечер первого дня помолвки невеста танцует с другими мужчинами, дабы испытать будущего мужа. Потому как – и мы оба это прекрасно знаем – что неконтролируемые чувства способны сотворить с драконами нечто совершенно ужасное.

Тот холодок, который прошел по коже в самом начале его появления на балконе, ни шел ни в какое сравнение с тем, что я чувствовала сейчас. Теперь кожу слегка покалывало, как если бы ее касались наэлектризованными иголочками, а волна накрывшего вслед за этим жара заставила замереть.

Как вообще в одном человеке может уместиться какой-то сумасшедший животный магнетизм и такой потусторонний холод? Сама не знаю почему мне пришло в голову именно это «потусторонний», но серебро, вспыхнувшее в черной как ночь радужке, больше напоминало пепел или иней. Такой же, как путался и терялся в его темных, падающих на плечи волосах. Резкие скулы и жесткая линия губ, сейчас плотно сомкнутых, завершали его образ какой-то хищной гармонией.

Взгляд Люциана налился золотом: не таким, каким я увидела его в первый раз, а густым, вязким, похожим на сгущенное пламя. Воздух вокруг нас уплотнился еще сильнее, хотя

казалось, куда уж больше. Нас будто отрезало от остального зала, мы вообще словно оказались в запечатанной капсуле. Под водой.

– Пока что мы не объявили о помолвке, Альгор.

– И вы наверняка хотите оставить это в тайне до определенного момента. – Валентайн вскинул брови. – Иначе не окружили бы нас *subrire silencial*, не так ли?

– Вы собираетесь об этом рассказать? – Лицо Люциана закаменело.

– Не вижу в этом смысла, мы же с вами друг друга поняли. Или я не прав? – Валентайн протянул мне руку, но вместо того, чтобы сказать ему, что он может катиться на все четыре драконьи стороны, мой недожених просто вложил мои пальцы в его ладонь и отступил. Просто отступил, дракон его за задницу укуси!

В следующее мгновение драконы, их задницы и все остальное стало неважным, потому что прикосновение темного холода вползло в меня, подобно змее. Коснулось сердца, лизнуло кожу.

– А меня вы не хотите спросить? – поинтересовалась я, порываясь отнять руку. – С кем *мне* интересно проводить вечер?

Добилась только того, что сверху мои пальцы еще и накрыли ладонью, теперь я чувствовала этот холод уже физически. Нет, его ладонь не была холодной, но в нем ощущалась какая-то дикая первобытная и очень темная сила.

– Я о многом хочу вас спросить, тэри Ларо. Но об этом – совершенно точно нет.

– Я не люблю, когда решают за меня, архимаг.

Мне показалось удачной идеей назвать его так, четко обозначив границы.

Идея, может быть и была удачная, но он не ответил, теперь уже изучая мое лицо.

Как раз в тот момент, когда я думала, как бы мне осторожно нырнуть под архимагическую руку и слиться с толпой, его глаза стали еще светлее.

– Расскажи мне, зачем ты интересовалась межмировыми перемещениями, Ленор, – произнес он, и на этот раз его голос звучал глухо.

Доносился откуда-то издалека, словно мы оказались в глубокой пещере, из которой разом вытянули весь свет, все запахи и все звуки. Не было ничего, за что можно было бы уцепиться, даже присутствие окружающей нас толпы отступило, остался только его мерцающий взгляд и его голос, за которым хотелось следовать.

«Расскажи мне, зачем ты интересовалась межмировыми перемещениями, Ленор...»

Каждое слово отпечатывалось в сознании клеймом, звало за собой, побуждая ответить, и ответить как можно скорее. Правду.

Это что еще за новости? Местный аналог гипноза?!

– Хватит! – рявкнула я неожиданно бодрым для загипно-

тизированной голосом, и звуки вернулись.

Вместе с запахами, многоголосьем, устремленными на нас взглядами. Которые, впрочем, уже не так меня беспокоили, как один-единственный, ввинтившийся в меня, в самое сердце.

На нас опять пялились все, но я чувствовала себя так, словно осталась одна в этом переполненном людьми (и драконами?) роскошном, украшенном к празднику зале. Свет огоньков играл в хрустальных гранях бокалов, отражался в капельках нитей люстр, но мне почему-то казалось, что если Валентайн вздумает оторвать мне голову прямо здесь, посреди этих разодетых в красивые платья девушек и в стильные костюмы парней, все просто отступят в сторону, как это сделал Люциан, и ни один не посмеет ему возразить.

Почему?!

– Что вам от меня нужно?!

– Кто вы такая?

На меня продолжали смотреть в упор. Так, что под взглядом черных глаз по телу снова и снова прокатывалась волна жара. Иней в глазах обозначился четче, его серебро гипнотической властью втекало в меня, парализуя и лишая свободы воли. На мгновение я поняла, что хочу назвать ему свое имя, и тут же стряхнула это ощущение, как липкую паутину.

– Ленор Ларо.

– Это я знаю. Но с тобой явно что-то не так, – взгляд его снова стал черным. – Сопротивление к ментальной магии

черных драконов есть только у второй ветви драконьего рода. Светлых. Но даже среди них далеко не каждый способен противостоять ей так, как это делаешь ты.

Соппротивление магии?!

А вот сейчас приходится соображать очень быстро. Или, как говорила наша Алла Грифоновна (на самом деле Григорьевна, это мы ее так прозвали) за две минуты до звонка на контрольной по геометрии, очень-очень быстро.

– Не представляла, что раньше мы так часто общались, – хмыкаю я, автоматически переходя на «ты». Ну а что? Если мужчина не утруждается дистанцией и этикетом, с какой радости ими утруждаться мне.

– Ты права. Не так часто, – кажется, его вообще невозможно смутить.

Но я попробую. Используя всю имеющуюся у меня информацию.

– Скажем так, когда ты появлялся в Академии для обсуждения программы обучения с ректором Эстре, на меня ты смотрел... – я специально делаю паузу. – Ни разу? Возможно, потому что мы просто не пересекались.

Это чистейшей воды блеф, но я выдаю его с таким непробиваемым лицом, что самой становится непривычно. Под непробиваемостью сидит маленькая Лена, у которой прическа претерпела существенные изменения в виде вставших дыбом до потолка волос, но к счастью, этого никто не видит и не чувствует. Кроме меня. Я надеюсь.

– Это не отменяет того, что я только что сказал, – в черных глазах играют серебряные искры, от которых мои волосы все сильнее тянутся к потолку. Мне бы такую растяжку, уже балериной была бы. – Равно как и того, что ты, Ленор...

Он произносит мое имя на выдохе, и это рваное глухое «р-р-р-р-р» на конце звучит практически непристойно.

– Искала запрещенную информацию. Зачем? – прищурился темноволосый изувер.

Кстати, полностью темноволосый! Куда иней подевался с его волос, было совершенно непонятно, но я была бы искренне счастлива, если бы он сам подевался туда же.

– Для романа, – брякнула я первое, что пришло в голову.

– Для романа?

– Да, – произнесла я. – Там девушка попадает в другой мир, и с ней начинают происходить невероятные вещи. Например, она понимает, что полностью лишилась магии, и двери можно открывать только ключами, а для того, чтобы открыть воду, нужно поворачивать кран. Но это еще не все! В нашем мире она была драконьей принцессой, а там...

– У вас просто невероятная фантазия, адептка.

Вот как? Как он это делает? Он же ничего такого не сказал, но от его глухого голоса по телу бежит электричество.

– Но доступ к разделу магических манипуляций у вас по-прежнему останется заблокирован. До тех пор, пока не напишете объяснительную на имя ректора и не приложите к ней свой... – В темных глазах снова сверкнуло серебро. –

Роман. Сделать это нужно будет до завтрашнего утра, потому что в противном случае я решу, что вы меня обманули, и ментального допроса вам не избежать. Даже несмотря на скорое и, вне всяких сомнений, выгодное замужество.

– Я вам все объяснила, – находиться рядом с этим мужчиной больше нет сил, поэтому я отнимаю руку и отступаю. – Завтра почитаете начало романа и решите, какая между всем этим связь с моей невосприимчивостью к ментальной магии черных драконов. Всего доброго, архимаг.

Мое бегство, возможно, слишком очевидно, а еще слишком очевидно то, что я снова перешла на «вы», и что он просто меня отпустил. Как он узнал, я даже думать не хочу. Или у них все «запрещенные» запросы фиксируются в особой черной книге, а те, кто интересовался такой информацией – в черном списке?

Я удаляюсь от архимага, но его взгляд, обжигающий мою спину арктическим холодом, чувствую до сих пор. Чувствую и понимаю, что ничего еще не кончено. Он не оставит меня в покое.

По-хорошему, мне стоит найти Люциана, но у меня нет ни малейшего желания его искать после того, как он просто сунул мою руку в лапу этого архидракона, поэтому я задираю голову, чтобы получше рассмотреть декорации.

Не успеваю.

– София Драконова!

– С ней что, Сезар?!

– Сезар!

– Сезар...

– А как же Женевьев...

– Бездна! Теперь понятно, почему ее до сих пор нет...

Все это проносится у меня в ушах вихрем, как хлынувшая в зал легким потоком музыка. Я снова перевожу взгляд на балкон и вижу мужчину, которого под руку держит ослепительная брюнетка в огненном платье. В огненном – буквально, когда они спускаются с вызывающим такой живой интерес Сезаром, кажется, что ее подол вот-вот вспыхнет и с него потечет пламя. Сама ткань напоминает текущую лаву, длинные черные волосы девушки красиво уложены, в зал устремлен надменный взгляд королевы, и я запоздало вспоминаю.

София Драконова. Это та самая София Драконова. С которой мы устроили дуэль. У которой фамилия как...

Сонька! Эта мысль врывается в мой перевернувшийся с ног на голову мир, чтобы обжечь, как если бы я прикоснулась к платью Драконовой.

Сонька была со мной на той поляне, когда все случилось. Что эта молния сделала с ней?!

Глава 7

Эта мысль настолько выбивает меня из этой реальности в нашу, что вместо жара сначала продурует холодом, а потом опять жаром. Я помню, как провалилась в поляну, а если быть точной, в серебряное озеро, но я совершенно не представляю, что произошло с Соней. Мне срочно нужна не просто запрещенная информация, а мегазапрещенная информация, потому что я должна знать, что с ней!

Ощущение собственного бессилия настолько острое, что я почти готова развернуться, признаться во всем Валентайну и попросить его помочь, но в этот момент София Драконова начинает свое шествие.

Так и впрямь могла бы шествовать королева. Впрочем, если я правильно поняла слова Люциана, София Драконова и была местным аналогом королевы. Он, правда, выразился несколько по-другому: гадина, или что-то в этом роде, но как показывает практика одиннадцатилетнего образования и контрольного ЕГЭ, главная гадина учебного заведения автоматически приравнивается к местной королеве. Иначе как ей быть главной гадиной, если ее никто ни во что не ставит?

Пока моя умственная цепочка выстраивалась, за парочкой выстроилась свита, то есть довольные особо приближенным положением девушки, целых четыре штуки. Возглавля-

ла их статная брюнетка. Девицы поглядывали на окружающую толпу, как фрейлины на чернь, хотя я могла бы поспорить, что натолкнись они взглядом на Валентайна, кто почернеет – еще один большой вопрос. Хотя для меня даже не вопрос.

При мысли о Валентайне внутри что-то стянулось в крохотный шарик и заискрило. Я что, минуту назад всерьез собиралась к нему обратиться за помощью? Хотела уже обернуться, чтобы убедиться, что его поблизости нет, когда «главная фрейлина» резво подставила подножку какой-то девушке. Та, разумеется, споткнулась и влетела в официанта, в результате чего драконье пламя оказалось прямо на платье. Поднос с грохотом шмякнулся на мраморный пол, следом брызнули осколки бокалов.

– Фи, Лика, как можно быть такой неуклюжей, – фыркнула фрейлина, а зал взорвался хохотом.

На мгновение выражение лица принца-консорта (ну, то есть того парня, который шел с королевой) стало таким, что мне мигом представилась кровавая сцена в духе фильмов Тарантино, но он только резко шагнул вперед, на буксире увлекая за собой Драконову, а в девушке, которая чуть не растянулась вместе с официантом, я узнала ту, что помогла мне открыть дверь.

Затравленно оглядевшись, она подобрала намокшие испачканные юбки и рванула к лестнице. Я, недолго думая, припустила за ней. Смеха как-то резко поубавилось, но до-

гнать ее (кто бы знал, как сложно бегать в длинных облегающих платьях) удалось только за дверями зала. Поскольку мы с Люцианом пришли порталом, в длинной галерее в стиле Екатерининского дворца я оказалась впервые, и тут уже в мою пользу сработали натертые полы. Поскользнувшись, я пролетела до бегущей девушки со скоростью хорошо разогнавшегося конькобежца, врезалась в нее на полном ходу, и мы только чудом не оказались на сверкающем паркете.

– Пусти! Да пусти же! – рванулась она. – Тебе-то что еще надо?

Видно было, что на бал она действительно собиралась, и, судя по всему, своими силами. Прическа была красивой, но несколько прядок выбивались из общей композиции, а еще один крючок на платье был не застегнут.

– Просто хотела сказать, что не стоит позволять всяким козам портить себе вечер.

– Козам?

Коз здесь нет, понятно. Точнее, есть, но их надо называть по-другому.

– Всяким, – подвела итог я. – Хочешь, помогу почистить платье?

В глазах девушки сверкнуло недоверие, а потом – злые слезы.

– Нет! – выкрикнула она. – Мне не нужна помощь, ясно?! Твоя – особенно!

Она вырвалась и убежала, а я пожала плечами. Ну нет так

нет.

Кстати, о принцах: стоило мне развернуться, ко мне уже неспешной походкой приближался Люциан.

– Что хотел Альгор? – жестко поинтересовался он.

– Интересовался моими планами на обучение.

– С какой такой радости?

– Видимо, потому что я дочь заговорщиков, а он архимаг.

Отмазка сработала: Люциан хмыкнул и тут же перевел тему.

– Давай ты не будешь выставять себя на посмешище, – процедил он, глядя на меня сверху вниз. – Достаточно и того, что уже есть, чтобы бегать за всякими неудачницами.

– А давай ты не будешь говорить мне, что я должна делать? – огрызнулась я. – Особенно, с кем мне общаться и за кем бегать? Я как-нибудь сама разберусь. Продолжишь в том же духе – и будешь искать себе другую невесту.

– Это была попытка мне угрожать? – Люциан перехватил меня за локоть. – Давай, попробуй еще раз, сиротка, и узнаешь, на что я способен.

– Пока что я знаю, что ты очень быстро бегаешь от черных драконов, – сообщила я и, когда его глаза полыхнули, отняла локоть. Правда, не успела сделать и шага: коснувшееся кожи под шепот драконьего принца золото в этот раз не было ни теплым, ни обжигающим. Оно было тяжелым и, обрушившись на меня, странным образом превратило мое тело в желе. Колени подогнулись, и я шмякнулась вниз, что,

признаться честно, в платье было не очень удобно.

Да на коленях вообще стоять не очень удобно, особенно перед парнем, который обходит тебя и снисходительно приподнимает твой подбородок.

– Повторяю еще раз для тупых, Ларо: все, что тебе нужно уметь, это улыбаться, а открывать рот исключительно для того, чтобы говорить да, да, и еще раз да. Пока что.

Намек, учитывая, в какой позе я оказалась, был более чем прозрачным. Я бы и хотела ответить, но в желе превратилось не только мое тело, но и мой язык. К противной слабости в каждой клеточке добавилось ощущение полной беспомощности. Странно, что меня вообще позвоночник держал.

– Надеюсь, больше мне повторять не придется, – произнес Люциан, и золото схлынуло. Тяжесть ушла, а вот желеобразное состояние – не очень, когда меня вздернули на ноги, я сама себе напоминала осьминога, которого не то переварили, не то не доварили. Не быть мне шеф-поваром.

Люциан вытолкнул меня за дверь, и мы снова спустились по лестнице. Фурор дубль два произвести не получилось, а судя по злому взгляду, которым его высочество наградил Драконову с ее спутником, наш фурор все-таки перебили, но мне сейчас было не фуроров. Я действительно двигалась как в тумане, рискуя подвернуть ногу или вывихнуть руку, потому что буквально их не чувствовала.

– Скоро пройдет, – хмыкнул Люциан, как будто говорил о том, что я прищемила палец. – *Dormante ladicum* обладает

мощным, но кратковременным эффектом. Применяется на поле боя, когда нужно максимально облегчить болевые ощущения раненого.

Мозги оно тоже в желе превращает, что ли? Иначе я никак не могла объяснить то, что вместо русского народного в три этажа у меня в голове какая-то пустота, еще и нижняя губа начинает подозрительно дрожать.

– Когда я сделаю тебе предложение, говорить сможешь, – подвел итог принц.

Мы едва успели спуститься с лестницы, когда свет в зале приглушили еще сильнее, а вот над балконом, напротив, по-лыхнуло.

– Адепты, – произнесла ослепительная рыжеволосая женщина. – Добро пожаловать на открытие учебного года Академии Драконова.

Зал взорвался аплодисментами. Я бы, наверное, тоже хлопала, если бы мои руки не висели как макароны. Ощущать себя не в себе было до жути обидно и унижительно. Губы по-прежнему дрожали и, чтобы не раскиснуть еще больше, я переключилась на говорящую.

– Меня зовут Амильена Эстре. Я являюсь ректором уже три с половиной года, – видимо, ее голос тоже усиливала какая-то магия, потому что никакого микрофона не наблюдалось. – И я безмерно горда, что уже целых три выпуска Академии прошли под моим руководством. За это время мы дополняли образовательную программу новыми современ-

ными заклинаниями и магическими дисциплинами, вводили дополнительный спецкурсы и убрали все лишнее, те знания, которые...

– Бла-бла-бла, – фыркнул Люциан, на мгновение перебивая речь ректора для меня. – Сейчас стошнит.

Он подхватил с подноса пробегающего мимо официанта бокал драконьего пламени и залпом опрокинул его в себя.

– ... не скрою, просто не будет. Поэтому обучение магии начинается с восемнадцати зим, и только поэтому все вы ходили на обязательные подготовительные спецкурсы. Магия – это не только сила, но и большая ответственность. Мы наделены ей с детства, но именно сейчас мы будем раскрывать ее полную силу и обучаться владеть тем, чем нас наградила Тамея и суть нашего мира. Могу сказать без преувеличения, что здесь собрались достойнейшие из достойных. В нашей академии всегда был достаточно жесткий конкурс, но в этом году – особенно.

Она обвела собравшихся взглядом. Не знаю, что сияло сильнее, ее рыжие волосы, черно-красное платье, искрящееся как чешуя летящего над жерлом вулкана дракона, или магические шары, выделившие ее присутствие как свет софитов.

– Я более чем уверена, что вы все знаете, зачем пришли именно сюда, и почему ваш выбор – Академия Драконова. В этом году у нас новая очень серьезная дисциплина. Мы долго работали над этой программой...

– В спальне, – заметил Люциан, приподняв брови.

Подтянувшийся к нам Дас оценил шутку фырканьем. Второго парня с косой челкой, которого Люциан не удостоил даже приветствием, видно не было.

– ... я искренне рада, что она получилась настолько насыщенной и настолько сильной. И, разумеется, я искренне рада представить вам нашего нового преподавателя. Как вы все уже знаете, архимаг Альгор принял предложение Академии и, хочу отметить, без него ничего бы не получилось. Архимаг?

Я посмотрелась на архимага, пожалуй, на целую жизнь вперед, а вот ректор Эстре похоже что нет. В ее взгляде, холодном и надменном, сейчас промелькнуло нечто совершенно иное. Похвастаться глубокими психологическими знаниями я не могла, но здесь и без того все было понятно: так по уши влюбленная женщина смотрит на желанного мужчину.

Толпа негласно расступилась, пропуская его, образовав своеобразный коридор. Валентайн поднялся на балкон и остановился рядом с ней.

– Адепты, – произнес он, и в зале воцарилась тишина.

Даже те, кто тихонько шушукался, когда говорила Эстре, сейчас притихли.

– Темная магия, магия темных драконов, несущая в своей изначальной основе Смерть – это то, от чего стоит держаться подальше. Надеюсь, мне удастся донести до вас эту мысль на наших занятиях.

По-моему, ему стоит уволить того, кто писал эту речь.

В зале стало еще более тихо, а Валентайн добавил:

– И совершенно не то, с чем стоит шутить.

Если бы на мне не было *dobricus kotikus*, или как там называется то, что Люциан на меня наложил, я бы начала медленно отползать в сторону выхода. Потому что обращался Валентайн ко всем, но смотрел исключительно на меня, и от этого чувства мои внутренности скручивались в тугой узел.

– Удачного учебного года, адепты, – произнес он. – До встречи на занятиях.

Валентайн уже покинул балкон, а по ощущениям, все еще смотрел на меня. Я бы и хотела избавиться от этого чувства – от того, что он видит меня насквозь, каждую клеточку моего тела, как под микроскопом, и читает: «НЕ ЛЕНОР. Загородская сборка – другой мир, комплектация ЛЕНА ХАРИТОНОВА, ценность не изучена, угроза – (?) уровень».

Короткую паузу снова разорвал голос ректора Эстре:

– С завтрашнего дня мы начинаем занятия, а сегодня – ваш вечер адепты! Встречайте новый учебный год, отдыхайте. Набирайтесь ярких впечатлений, желаю вам интересных знакомств.

Она хлопнула в ладоши, и в зал плеснула музыка, которая на мгновение утонула в овациях. Праздничное освещение вернулось к своему изначальному варианту, зал загудел, зашуршали платья, возбужденные голоса врывались в льющую мелодию. Я же почувствовала, что снова могу дви-

гаться, но порадоваться не успела.

– Ты точно не передумаешь? – фыркнул Дас, покосившись на меня. – Это ж...

– Это сыграет свою роль как надо, – прокомментировал драконий принц. – Как по мне, будет даже забавно. Честно – я хочу увидеть папашину рожу. Ну и не только его.

– Да, я бы тоже не отказался на это посмотреть.

– Наслаждайся. Начни с Сезара.

Судя по разговору, их совершенно не смущало мое присутствие. Хотя судя по разговору, над нами был какой-то там *silencial*.

– Наш выход, сиротка, – сообщил Люциан, хватая сразу два бокала с драконьим пламенем, один из которых сунул мне в руки. – Минуту! Минуту внимания!

Это точно было какое-то заклинание, потому что его усиленный голос тоже разнесся по залу, как минуту назад разносился голос ректора Эстре. Все начали поворачиваться к нам. Люциан подмигнул Дасу, а потом посмотрел на меня. В руке его невеста откуда появилась коробочка, которая с легким щелчком открылась, в ней красовалось кольцо с безумно красивым камнем.

– Ленор Ларо, ты станешь моей женой?

Я шевельнула пальцами. Бокал они держали хорошо.

Разжались тоже хорошо и якобы случайно: драконье пламя оказалось на Люциане.

Полить его брюки под мелодично разлетающийся брыз-

гами хрустала бокал было одно сплошное удовольствие. Но еще большим удовольствием оказалось увидеть его лицо, когда я сказала:

– Ох, Люциан! Это так неожиданно... мне нужно подумать.

Глава 8

Мгновение в зале царила тишина, или мне так показалось? Потому что когда толпа взорвалась множеством голосов, перекрывших даже грохот моего сердца – похоже, ожившего вместе со мной после заклинания, Люциан сунул коробочку с кольцом в руку открывшего рот Даса и шагнул ко мне. Пальцы сомкнулись на запястье браслетами, дыхание прервалось, раскрывшаяся прямо перед нами пасть портала под визг особо впечатлительных выплонула меня обратно в комнату Ленор. С шипением, похожим на змеиное, портал захлопнулся, отрезая нас от зала, от собравшихся и от шума, идущего в бальном зале по нарастающей.

– Я, кажется, предупреждал, – прорычал Люциан, глядя мне в глаза, – что ты будешь делать все, что я скажу, или очень сильно пожалеешь?

Не знаю, как выглядит драконья ярость на самом деле, но на мой взгляд он вполне мог быть ее олицетворением. Черты лица заострились, золото во взгляде стало тяжелым и темным, а сила, плеснувшая от него, ударила прямо в грудь, заставляя вздрогнуть от этой звериной мощи.

– Не помню, предупреждала ли я, – ответила, стараясь оставаться спокойной, насколько это возможно, потому что все мои внутренние имеющиеся в наличии чешуйки встали

дыбом, – но я не привыкла, когда меня ставят на колени.

– Очень интересно, – его голос сейчас больше напоминал рычание, чем человеческую речь, – и когда ты привыкла к другому, Ларо? Ты, которая готова была танцевать на задних лапках перед любым, кто мило посмотрит в твою сторону? Ты, которая только и умела заискивающе бормотать так, что едва слышно? Ты, чьи родители предали всех нас, прибегнув к магии темных, чтобы совершить покушение, а потом имели наглость все отрицать – нас подставили, нас подставили? Твои родители не просто заговорщики, они предатели, а из тебя не получилось даже их жалкого подобия – так, двуногая во всем сомневающаяся мелкая мерзость, с которой даже связываться – только мараться.

Не знаю, что стало последней каплей – его слова о Ленор, или о ее родителях, потому что внутри меня поднялась знакомая волна силы. И эта волна, сорвавшись с моих рук, ударила в Люциана, но в отличие от девчонок, которых отнесло к двери, ему разве что волосы растрепало.

А вот злости явно добавило: золото в его глазах стало еще более раскаленным.

– Как я уже и сказал, никчемность, – выплюнул он. – Я с тобой закончил, Ларо. Возвращай все, что на тебе надето, и молись, чтобы твой завтрашний день не стал последним в этой Академии.

Меня затрясло то ли от передоза обрушившихся на меня заклинаний, то ли от драконьей силы, которая давила сейчас.

Первым делом я расстегнула серьги, которые швырнула на постель, следом ожерелье, потом сбросила туфли, которые мгновенно увеличились в размерах.

– Забирай, – процедила я. – И проваливай. Идея связаться с позором драконьего рода явно пришла ко мне после удара головой во время дуэли...

Договорить не успела: с его пальцев сорвался золотой вихрь, подбросивший меня вверх и швырнувший аккуратно на кровать. Перед глазами потемнело, сброшенные камни больно впились в спину, а когда я проморгалась, надо мной уже склонился Люциан.

– Когда я говорю все – это значит, все, Ларо, – жестко усмехнулся он.

Коснулся моего бедра, и в следующее мгновение ткань под его пальцами просто растворилась. Золотое пламя пожирало платье быстрее, чем это мог бы сделать настоящий огонь, и в следующее мгновение я оказалась под ним полностью обнаженной.

От осознания этого меня затрясло еще сильнее, равно как и от осознания того, что его рука по-прежнему лежит на моем бедре, и что мы в этой комнате совершенно одни, все на балу. Это чувство заставило меня резко рвануться в сторону в попытке избежать его прикосновения, но добилась я только того, что Люциан перехватил мои руки, вжимая их в подушки над головой, вторая его рука легла мне на грудь, как лапа дракона. В золотых глазах помимо ярости мелькнуло что-то

еще, действительно дикое, первобытное, звериное, скользжащее по моему телу гораздо более непристойно, чем мгновение назад – его пальцы. В этот момент мне стало по-настоящему страшно.

– Убери руки, – процедила я, стараясь вложить в свой голос столько силы, сколько во мне осталось. Вместо силы получилось просто громко. И рвано.

– Или что? – усмехнулся он.

– Или я сообщу сестре, что вместо того, чтобы присутствовать на балу, вы тут непонятно чем занимаетесь.

Взгляд Люциана полыхнул так, что в комнате, уже оставленной светом закатного солнца, стало светло как днем. Тем не менее он меня отпустил и медленно обернулся. Сложив руки на груди, у открытой двери стояла девушка, которая утром мне помогла и которую облила подружка Драконовой.

Адептка из соседней комнаты.

– Тебе заняться нечем, Лика? – жестко интересуется Люциан. – Дуй отсюда, пока я по-настоящему не разозлился.

– Да ну? – она прячется за жестом из скрещенных рук, по которому видно, что уровень заряда уверенности в ней как у моего смартфона сейчас на полянке. Если он выжил после удара молнией.

В этот момент я рывком поднимаюсь и безо всякой магии с разбегу врезаюсь в спину драконьего принца. Сила инерции работает лучше, а когда есть помощница – вдвойне. Летящему вперед Люциану девушка подставляет подножку, и я

добавляю сзади, в результате чего он вылетает за дверь. Которую мы вдвоем с грохотом захлопываем и прислоняемся к ней спиной.

– Контур! – шепчет Лика. – Восстанови контур, запри дверь!

Кто бы мне еще рассказал, как это сделать, но сейчас времени на раздумья особо нет. Я представляю знакомый контур магического замка и как он смыкается, раздается щелчок. Дверь содрогается от удара, но тщетно.

– Ларо, – шипит из-за двери этот драконохрымц, – открой дверь по-хорошему. Завтра ты все равно пойдешь на занятия.

– Завтра будет завтра, – отвечаю я.

Из-за двери доносятся ругательства, после которых воцаряется тишина. Мы с соседкой переглядываемся: она по-прежнему в облитом платье, а я голая. Да, начало учебного года у нас задалось, ничего не скажешь.

– Пару минут, – говорю я.

Метнувшись к шкафу, нахожу первую попавшуюся одежду, то есть самое ближайшее платье и влезая в него. Лика в этот момент отлепляется от двери. Меня по-прежнему потряхивает, когда я застегиваю пуговицы. Драгона уже давно нет в комнате, но его руки на своей коже я чувствую до сих пор. Чувствую впечатвшиеся в запястья сильные пальцы и прикосновение ладони – буквально в нескольких сантиметрах от холмиков груди.

Из-за этого пуговицы никак не хотят застегиваться, то и дело спотыкаются о бортики петель. Дело осложняет еще и то, что у этого платья они находятся сзади.

Лица подходит.

– Давай помогу?

В отличие от нее я не собираюсь отказываться, тем более что я так полчаса буду застегиваться, а не пару минут.

– Драгон, конечно, тот еще чешуйчатый шныр, но сегодня у него просто сорвало крышу, – говорит она, – что ты сделала?

– Сказала, что подумаю в ответ на его предложение руки и сердца.

– А, ну тогда неудивительно. Ему же в принципе никто не отказывал.

– Значит, я лишила его нетошной девственности.

Лица фыркает и отступает.

– С пуговицами все, – говорит она. – Прости, что наорала на тебя там, внизу. Я просто очень расстроилась.

– Проехали, – говорю я. – Спасибо что помогла с платьем. Она вздыхает.

– Я просто не привыкла к такому... – кивает себе за спину. – Одеваться сама и все такое. Мой отец – он как бы не последний дракон Даррании.

Я приподнимаю брови.

– Но моя сестра имеет на него очень большое влияние. Она его перворожденная, и к тому же, ее мать он действи-

тельно любил. Поэтому когда она сказала, что меня нужно выдать замуж, и что учиться мне вовсе необязательно, он согласился.

У них тут что, Средневековье или Викторианство?

— У вас что, такое законо? То есть кто-то может тебе приказать выйти замуж?

— Приказать — теоретически нет. Но вот отказать в обеспечении вполне. Словом, когда я сказала, что пойду в академию, а не замуж, моя семья заявила, что теперь я буду жить на стипендию и учиться смогу до первого косяка. Ты не подумай, что я жалуюсь или что-то вроде, просто пока я ходила на подготовительные, и они просто капали мне на мозги — это одно. А когда оказалась здесь, в этом закутке...

— Не к такому ты привыкла, — подвела итог я.

— Да. Поэтому я весь день на нервах, — она вздохнула. — Понимаю, что мои приключения только еще начинаются, и что сестра сделает все, чтобы меня отсюда выпихнуть...

— Погоди. А кто твоя сестра?

Девушка нахмурилась.

— Я не шутила, когда сказала, что ударилась головой. И что у меня нелады с памятью, — интуиция подсказывает, что как раз Лике можно частично довериться, поэтому я продолжаю. — Я половину не помню из своей жизни. Не помню, как сюда поступала и о магии почти ничего не помню.

— Почему?!

— Потому что я сцепилась на дуэли с Драконовой, и при-

ложила ее энергетическим шаром. Она меня, очевидно, тоже чем-то приложила, – не знаю, насколько это частично, но я уже просто не могу молчать. – Поэтому теперь я задаю идиотские вопросы и попадаю в идиотские ситуации. Вроде той, что случилась сегодня.

Лица моргает: очевидно, пытается переварить услышанное.

– Но магические дуэли...

– Запрещены, я в курсе, – отвечаю я. – Именно поэтому я ни к кому не могу обратиться за помощью, чтобы мне помогли восстановить память.

– С ума сойти! – выдыхает она.

– Да.

Примерно так я подумала, когда здесь оказалась.

Лица заправляет выбившиеся из прически пряди за уши, закусывает губу:

– С Драконовой?! Ну ты даешь, Ларо.

Я скашиваю глаза вниз.

– Да-а-а, вот ты им всем устроила, – девушка рассмеялась, но тут же помрачнела: – Слушай, это, конечно, храбро, но иметь во врагах Драгона и Драконову...

– Самоубийство, – говорю я, – знаю. Так что ты всегда можешь уйти и забыть о том, что здесь было. Спасибо уже за то, что помогла выкинуть его за дверь.

Кстати, о двери.

– Только сначала расскажи о том, как работает это запи-

рающее заклинание. Почему девушки, которые делали мне макияж и прическу, ко мне ломились, а ты смогла войти, и как так получилось, что Люциан смог перенести меня сюда порталом, а потом обратно порталом зайти не смог.

– А, это система безопасности Академии. Можно? – Лика кивает на кровать, где в комок сбиты одеяло, драгоценности, и меня на миг передергивает.

Я собираю украшения осторожно, как ядовитых змей, стараясь не смотреть на погасшие из-за сумерек камни, откладывая их на стол. Расправляю покрывало и киваю:

– Давай.

– В общем, система работает так, – Лика падает поверх одеяла и растопыривает пальцы: – Когда адепт заселяется, внутренний магический контур настраивается на него. Это не твоя магия, а академическая, ты просто с ней работаешь. Контур настроен на тебя, и когда комната пустует, войти в нее не может никто, кроме тебя.

Хорошенький магический замок.

– Вообще никто?

– Исключение стражи порядка и ректор, – она морщится, – если случилось что-то из ряда вон. А так – никто, да. Порталом в комнату и из комнаты можно пройти, если рядом ты и тебя держать за руку или обнять. Когда ты одна в комнате, контур автоматически замыкается. Когда не одна – контур разомкнут, именно поэтому я тебя попросила его замкнуть, когда мы выпихнули Драгона. Вот так. – Лика пожала пле-

чами. – Все просто.

Ну это как сказать.

– Погоди. Мы так и не поговорили про твою сестру. Кто она?

Девушка снова помрачнела и закусила губу.

– Мое полное имя – Альмея Ликарин Хъейг Эстре, – я даже удивиться не успеваю, а она уже добавляет: – Да, моя сестра ректор Академии Драконова.

Глава 9

Пару минут я смотрю на нее и пытаюсь осмыслить услышанное. Начиная с того, что сестра захотела выдать ее замуж, отец согласился, а теперь это самая сестра, ректор, делает все, чтобы Лику как можно скорее выпереть из Академии. Да, а я еще думала, что у меня ситуация – драконец.

– Что? – Лика нервно кусает губу. – Теперь сама хочешь, чтобы я убралась из твоей комнаты?

– Что? – офигеваю я. – Нет!

В подтверждение своих слов, сажусь рядом с ней на постель.

– Ну и зря. Я дружила с Хами, точнее, думала, что дружила... но потом у нее начались проблемы на тестах во время подготовительных, и Хами перестала со мной дружить. Сказала, что моя сестра натравливает на нее преподавов.

Да ну блин!

– Я не из тех, кто боится ректоров, – хмыкаю я. – А так же Драгонов, Драконовых и вообще всех, связанных с... драконами.

– Не все драконы уроды, – тут же подбирается Лика. – Просто у некоторых до сих пор сидит это вот – люди слабее, ну и относятся они соответственно. Что касается Драгона, я молчу. Ему корона на череп давит, с самого детства.

– Но он же вроде как ненаследный?

– Да, перворожденный у них Сезар. Но там есть своя загвоздка и пока что все очень и очень непонятно.

– Это как?

Лица разводит руками.

– Сезар наполовину темный.

– Как Валентайн?

Слова срываются с моих губ раньше, чем я успеваю их остановить.

– Альгор – другое дело. Он сильнейший маг Даррании, потому что в нем кровь правителя темных, но его мать была из людей. Сезар – наполовину темный, наполовину светлый дракон. Это как соединить жизнь и смерть в одном флаконе, понимаешь? С одной стороны вроде очень интересно, а с другой может порвать на части. Причем даже не столько магию, сколько разум. Поэтому Альгор его обучает с того самого времени, как вернулся из темных земель – контролировать свою силу, магию, сознание. Пока что его представляют наследником, но...

Лица пожимает плечами.

– У него каждый день как ходьба над пропастью.

– Из-за темной магии? – уточняю я.

– Да. Смерть она как бы наравне с Жизнью, но в отличие от нее всегда пытается подчинить, поглотить, заполнить собой. Подавить и уничтожить.

Чешуюкнуться можно, что здесь творится.

Мне хочется расспросить ее обо всем, но я понимаю, что сейчас не время и не место. Во-первых, я не могу не помнить вообще ничего, а во-вторых, боюсь, если я узнаю все сразу, меня порвет как того Сезара. Запоздало вспоминаю, что, когда появилась Драконова, в толпе шептались: Сезар. Это он что ли? Пытаюсь воскресить в памяти облик темноволосого, коротко стриженного парня, но я его почти не запомнила, слишком много было эмоций. Правда, из того что запомнила, он совсем не похож на Люциана.

– У них разные матери? – все-таки не выдерживаю.

– Да. У Фергана Единственного был первый брак, из-за которого поднялась небывалая шумиха. Он женился на Темной, что вообще-то создало прецедент, но это долгая история... ты правда ничего не помнишь, вот совсем ничего?

– Кое-что, урывками, – приходится сдать назад. Лучше сама почитаю, ни к чему пугать Лику и вызывать лишние подозрения. – Но вообще у меня состояние, когда в памяти просто нет кусков, и я не представляю, как буду завтра учиться.

– А я тебе на что? – спрашивает она. – Если не шутила насчет того, что не боишься мою сестрицу, сядем вместе. Чем смогу, помогу, в начале. А дальше, думаю, память вернется.

Я смотрю на эту драконицу, не похожую по характеру ни на Люциана, ни на сестру. Впрочем, на сестру она не похожа даже внешне, в ней нет ничего от яркости и резкости Амиллены Эстре, зато есть ямочки на щеках. Глаза серые, но удивительно теплые, добрые. Даже несмотря на все, что с ней

происходит. Теперь понимаю, почему она просто убежала на балу – когда за малейшую ошибку могут выставить, а любую ситуацию могут выставить как ошибку, как-то сложно отстаивать свое мнение и себя.

– Спасибо, – говорю я. И неожиданно для себя добавляю.
– Не переживай. Вот закончишь первый курс...

Чуть не брякаю с отличием, вовремя поправляюсь:

– Станешь самой успешной адепткой Академии, и твой отец наверняка передумает.

– Надеюсь, – вздыхает она. – Слушай, я все хочу спросить: как тебя угораздило стать подружкой Люциана? В смысле, как тебя вообще угораздило с ним связаться?

– Драконова, – потираю ладони, – дуэль. Он меня увидел.

– И заставил? – ахает Лика. – В смысле... пойти с ним на бал?

– Нет, я подумала, что у нас с ним получится взаимовыгодная договоренность, но переоценила свои принцезыношибельные способности.

Продолжать разговор про Люциана мне совершенно не хочется, достаточно уже того, что у меня в комнате лежат туфли и украшения, за которые я то и дело цепляюсь взглядом и вспоминаю скольжение его рук по телу. Поэтому перевожу тему:

– А почему ты Лика, если у тебя первое имя Альмея? Просто нравится больше?

– Нет, первое имя и часть фамилии у драконов идут от

матери, то есть первая часть фамилии – это фамилия материнского рода, первое имя – то, которое дает мать. Второе имя дает отец, вторая часть фамилии – фамилия его рода.

Понятно, чтобы не ссорились. Если честно, мне достаточно сложно представить, как ссорятся драконы, хотя вот Соно назвали именно «чтобы не поссориться». Мама хотела назвать ее Катериной, папа – Анфисой, в итоге приехала тетя и сказала, что она будет Софья. Или, попросту, Соня. Что не помешало ее родителям поссориться потом и разойтись, когда Соне было десять лет. Она переживала, и я, чтобы ее утешить, нашла и притащила ей котенка. Мама Сони была не в состоянии выращивать уличных котят, поэтому котенка забрала другая наша одноклассница, а мы с Соней пошли на залив и наелись мороженого до посинения. Как сейчас помню этот день: было очень жарко, а мы сидели на берегу, у самой кромки воды и ели мороженое. Когда заканчивалось одно эскимо, я бежала за другим, потом – за третьим. За эти несколько часов я потратила все свои карманные деньги, которые тетя Оля дала мне на месяц, но Соня была счастлива впервые с того дня, как ушел ее отец. У нас даже горло не заболело: видимо, мороженое пошло туда, куда нужно.

– Основным именем – так же, как и фамилией, все равно считаются те, которые дал отец. – Голос Лики возвращает меня в реальность.

Ответить не успеваю: раздается стук – резкий и сильный. Мы с новой знакомой переглядываемся, но я все-таки под-

нимаюсь и иду к двери.

– Да?

– Ленор, – голос мне не знаком: это не Люциан, не Валентайн. Спасибо тебе местная дракономатерь! – Нам нужно поговорить.

Всем нужно поговорить с Ленор. Вот тебе и самая непопулярная ученица в школе.

Правда, стоит мне разомкнуть контур и отступить, я понимаю, что к школе это не имеет никакого отношения. Ни к школе, ни к Академии. Передо мной стоит мужчина, которого во сне Ленор называла дядей.

Хитар.

Внешность этого мужчины я помнила по каким-то туманным воспоминаниям, к тому же, не моим, поэтому сейчас узнавала его заново. Стальные пряди путались с медными, резкие черты лица, я бы даже сказала, чуть грубоватые, однозначно намекали на то, что передо мной очередной любитель приказывать. Но, в отличие ото всех предыдущих (если я правильно поняла), этот еще и являлся моим опекуном и приказывать мне имел полное право. Глаза холодные, как замерзшая во льдах сталь, и, несмотря на относительно невысокий рост, широкие плечи и весьма крепкое телосложение.

За спиной раздалось шуршание: Лика поспешно поднялась.

– Оставьте нас, – скомандовал он, полностью подтверждая первое впечатление.

Я обернулась, но тут же последовало резкое:

– Быстро. Приказ архимага.

Еще один архимаг?

Прости Ленор, ты в ударе.

Лица подошла и остановилась рядом со мной, но я кивнула:

– Все в порядке. Иди.

– Точно?

Хитар прищурился, и я легонько подтолкнула Лику в сторону двери. Совершенно лишним будет, если этот #еще_один_архимаг нажалуется ректору, что его архимагические приказы не выполняют. Мало ли как тут у них обстоят дела с архимагическими приказами, может, им и гражданские обязанности следовать.

– Зайду за тобой перед завтраком, – пробормотала Лица и вышла.

Мы вообще гражданские в этой самой Академии? Мысль была совершенно точно некстати, но стук захлопнувшейся двери выбил ее из моей головы, а Хитар сцепил руки за спиной и приблизился ко мне вплотную.

– Что все это значит, Ленор? – произнес он, вцепившись в мое лицо глазами, как рыболовными крючьями.

– Что именно? – осторожно уточнила я.

– Твои шашни с Драгоном. Вы не встречались, насколько мне известно.

– Нет, – подтвердила я. – Но он неожиданно вспыхнул ко

мне любовью. Он же дракон. Им можно.

Вот что я несу спрашивается? Ладно, у меня было одно межмировое перемещение, один обмен телами, одно предложение руки и сердца и целых два подозрительно настроенных архимага. Мне можно.

Хитар прищурился еще сильнее. Настолько, что его глаза превратились в две узкие щели, сквозь которые продолжала поблескивать холодная сталь.

– По-твоему, это смешно?!

– Нет, – так же осторожно сказала я. К слову, а когда у них тут местное совершеннолетие? Может, я уже имею право самостоятельно решать, шашниться мне со всякими Драконами или нет, а это просто превышение полномочий?

Вжих – и комнату накрыло *subrire silencial*. Ура, я уже *ronimancial*, когда включается *zaklinancial*.

– Ты нашла у меня на столе заклинание. – Жестко произнес Хитар. – Опасное заклинание, Ленор. Я знаю, что случилось между тобой и Драконовой.

Ой.

– И судя по тому, что я знаю, заклинание ты использовала. Что произошло дальше?

– Дальше был бум, – честно призналась я.

Судя по выражению его лица и взгляду – уже чуть менее пристальному, именно такого ответа он ждал.

– Драконова не будет распространяться о дуэли, – произнес Хитар, – и тебе не советую. Потому что иначе тебя не

просто выставят из Академии, это повторно ударит по репутации вашей семьи, и на этот раз настолько, что никто не позволит учиться ни тебе, ни Максу. Надеюсь, ты это понимаешь?

– Да, – согласилась я.

– Драконы видели, как вы сражались. Драконов договорился с Сезаром, и тот будет молчать. Какая договоренность была у вас с Люцианом?

Чудны дела твои, местная дракономатерь. Значит, я нашла дядино заклинание, которым шарахнула Драконову, вероятно, на эмоциях. Вопрос в том, зачем? В смысле, что она такого сказала или сделала?

– Люциану нужна была подставная невеста, – решила тоже частично сказать правду.

– Хорошо. Ты отказалась – это тоже хорошо.

Вообще-то в определенном смысле я пока не отказалась, но завтра откажусь точно. Вопрос только в том, почему это хорошо.

Хитар обошел меня, сцепив руки за спиной, остановился у стола, на которое тщетно пыталось вылить остатки света крохотное оконце.

– Что касается заклинания, ты не будешь наказана, – сообщили мне, резко повернувшись на пятках, – но только по той причине, о которой я сказал раньше. Я ценю то, что осталось от чести твоей семьи, Ленор. – Он раздул ноздри совсем как дракон. – Но я не потерплю такого во второй раз. Надеюсь,

ты это понимаешь? Речь идет не только о твоей репутации и репутации Макса, но и о моей в том числе. Я отвечаю за вас двоих. Я взял на себя ответственность за ваши жизни, но тебе, похоже, это совершенно несвойственно. Слово ответственность. Как бы там ни было...

Он снова шагнул ко мне.

– Когда Драгон сделает предложение повторно, ты согласишься.

Что-о-о?! – хочется завопить мне, вместо этого я вспоминаю Люциана с его монологом про «никчемную» Ленор и глотаю все, что может меня прямо и откровенно выдать. Да, Ленор уже явно не будет прежней (по крайней мере, пока в ней я), но, если я не хочу оказаться на новом допросе у Валентайна, действовать нужно предельно осторожно.

– Хорошо, – говорю я покладисто.

Хитара это совершенно не смущает: он смотрит на меня как на пустое место, и кажется, даже если бы я сейчас все-таки возмущенно протестующе завопила, он бы принял это за слуховую галлюцинацию.

– Положение твоей семьи очень сильно пошатнулось, когда твои родители совершили непоправимое.

А вот про родителей не надо, пожалуйста!

Я отвожу руки за спину и сжимаю кулаки. Чтобы не выдать себя, смотрю куда-то ему за плечо и считаю до десяти.

– Ты заинтересовала Драгона. Сначала дуэлью, потом своей выходкой на балу. Чтобы сохранить свою репутацию, ему

придется добиться от тебя согласия. Драконы не создают смешанных браков, но прецедент возможен всегда. Вспомнить хотя бы его отца, – Хитар скривился, словно проглотил нечто мерзкое, но взгляд его при этом оставался холодным, сосредоточенным, злым. – Дашь ему согласие – не сразу, сначала пусть за тобой побеждает. А дальше я придумаю, как организовать брак, который изменит историю. Если ты станешь супругой дракона, первой супругой дракона, тем более королевской крови, твоя жизнь изменится. Не только твоя, но и Макса.

Твоя тоже, но об этом мы благополучно умалчиваем.

– Ты все поняла? – вот теперь на меня посмотрели не как на мебель, а как на существо разумное. Точнее, малоразумное.

– Да, – киваю, стараясь не разочаровывать еще одного архимага в своих умственных способностях или, правильнее будет сказать, в их крайне относительном наличии.

– Вот и прекрасно. На следующие выходные я за тобой приду, продолжим разговор уже дома.

Как я счастлива.

Не дожидаясь ответа, Хитар сбросил *subrire-mubrire* и вышел, а я облегченно вздохнула и, когда дверь за ним закрылась, по-быстрому запечатала контур. Я помнила, что Лика говорила про систему безопасности, но решила перестраховаться сразу. Неизвестно что там придет в голову Люциану, и как скоро система безопасности решит запечатать меня,

оставшуюся в комнате одну.

Из-под покрывала на кровати торчал ремешок простенького браслета. Я вытащила его и вздохнула. Вопросы этому сири-навигатору надо задавать особенно осторожно, а лучше вообще по возможности не задавать. Если Валентайн каким-то образом узнал про запрос, который заблокировал мне доступ в ректорат, мало ли что он может узнать еще. Не хотелось бы сталкиваться с местным драконьим аналогом ФСБ или даже хотя бы с драконьей полицией. Драполицией. ДСБ. Или МСБ? В смысле, магическая служба безопасности.

Развивать эту мысль я не стала, подошла к шкафу. Положила браслетик на полку, вытащила форму. Ладно хоть она оказалась отглаженной, потому что в комнате не было ни намека на утюг и гладильную доску, и, что-то мне подсказывало, что гладят здесь тоже магией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.